

КОСТЁР

11 НОЯБРЬ 1987

КОСТЁР

11

НОЯБРЬ

1987

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костёр», 1987

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Салют, «Аврора»!	1
очерк М. Белоусова	
Октябрь семнадцатого	2
Атакуют «Пантера»	
отрывок из повести И. Бояшова	7
Барабан	12
Мир в блокноте	
очерк Л. Скобликовой	16
В центре событий	
к 100-летию со дня рождения Джона Рида	17
Банка сгущенного молока	22
В Канди, верхом на слоне	
рассказы В. Рыбина	24
Всесоюзный штаб красных следопытов	32
Баллада о вороном коне	
А. Алексеев	34
Будни Чернобыля	
очерк А. Сочагина	35
За строкой учебника	37
Зеленые страницы	40
Рассказы о Маршаке	
С. Погореловского	42
Веселый звонок	44
Стихи твоих ровесников	46
Арчбек	47

На обложке рисунок С. Есепова

САЛЮТ, «АВРОРА»!

Три года пустовала вечная стоянка «Авроры» у Нахимовского училища в Ленинграде. Три года рабочие всех кораблестроительных заводов Ленинграда не покидали борт крейсера. Они решали трудную задачу, со многими неизвестными. Надо было вспомнить и восстановить до мельчайших подробностей, как выглядел крейсер в 1917 году. Зачем это потребовалось? Да для того, чтобы каждый ступивший на палубу «Авроры» в год 70-летия Великого Октября мог увидеть ее точно такой, какой видели «Аврору» петроградские мальчишки и девчонки в революционные дни, в октябре 1917 года.

Бросились к окнам нахимовцы:

— «Аврора» вернулась!

На набережных Невы сталолюдно и шумно, как в дни великих праздников.

Я в этот час тоже был там. Я прошагал за «Авророй» весь путь. Я видел, как поднимались крылья мостов на Неве. Казалось, что берега салютуют крейсеру, поднимая руку к козырьку. Я волновался, когда «Аврора» входила в узкие створы мостов, едва не касаясь их. Я слышал, как шумела забортная вода и волны ударяли о гранитные ступени набережных. Буксиры помогали кораблю добраться до места его вечной стоянки. Их было пять или шесть. Я не стал считать. Я даже старался не замечать их, а смотрел только на одну красавицу «Аврору».

И невольно в тот час я подумал о времени, когда без всякой посторонней помощи «Аврора» вошла в Неву и бросила якорь у первого городского моста. А потом по приказу из штаба революции грохнула авроровская пушка-шестидюймовка, огонь прожектора полоснул по фасадам дворцов на Неве, отряды рабочих, солдат и матросов бросились в бой за Советскую власть. Но это был только первый бой за свободу и равенство. Революцию хотели убить. Ее ненавидели бывшие правители России. Ее испугались правители в других странах. Поэтому война и интервенция еще не один год мешали новой жизни.

Вечером, после возвращения «Авроры», я спросил у своего отца, историка:

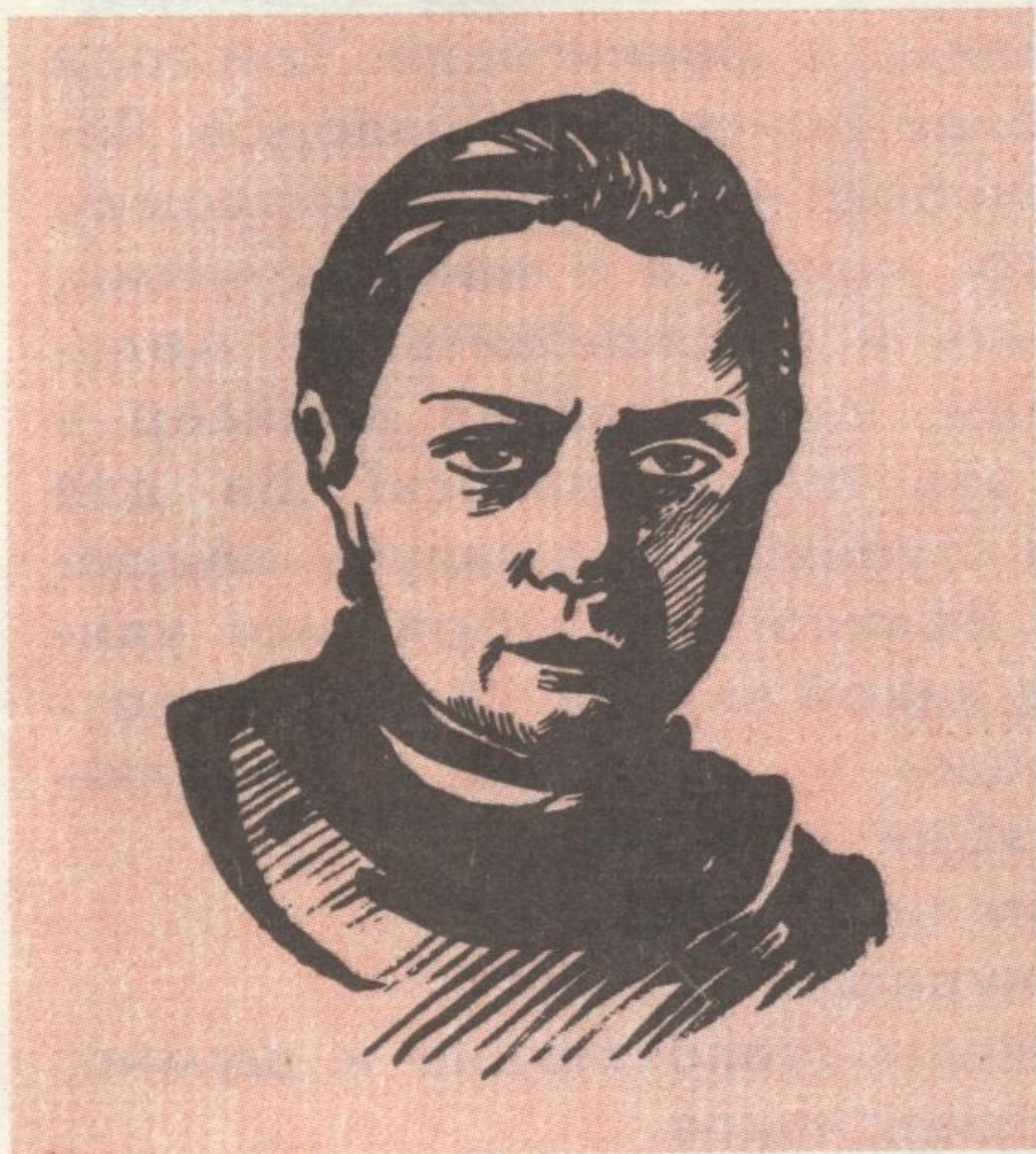
— Что можно было купить в 1918 году на 100 000 рублей?

Он почти сразу догадался, почему я спрашиваю об этом. Такую сумму пообещали в тот год на тайном собрании бывших капиталистов — торговцев мукой и хлебом — тому, кто устроит взрыв на «Авроре».

Крейсер стоял тогда в устье Невы, как часовой революции. Наступила зима, лед сковал Неву, а «Аврора» не тронулась с места.

Продолжение на стр. 6

ОКТАБРЬ СЕМНАДЦАТОГО

Н. К. Крупская.

«6 ноября (24 октября) Ильич сидел еще законспирированный на Выборгской стороне в квартире нашей партийки Маргариты Васильевны Фофановой (угол Б. Сампсониевского и Сердобольской, д. 92/1, кв. 42), зная, что готовится восстание, и томился тем, что стоит вдали от работы в такой момент. Посылал через Маргариту мне записки для передачи дальше, что медлить с восстанием нельзя».

Э. А. Рахья, рабочий, связной между В. И. Лениным и ЦК партии большевиков.

«Решил идти к Владимиру Ильичу. На пути к его квартире кое-где раздавались уже выстрелы, а трамваи прекращали движение. Когда я ему сказал, что Керенский приказал разводить мосты, он вскричал:

— Ага, значит, начинается...

Я было не понял его и спросил:

— Что начинается?

— Революция начинается,— пояснил Ильич,— а с ней и революционные бои...

Мы попили чаю и закусили. Владимир Ильич ходил по комнате из угла в угол по диагонали и что-то думал...

Владимир Ильич категорически заявил:

— Едем в Смольный.

Для безопасности решил все-таки замаскироваться. В меру возможности переменяли на нем одежду, перевязали щеку достаточно грязной повязкой, на голову напялили заваливающуюся кепку... Отправились, надеясь, что в таком виде его не очень-то узнают на улицах...

Дойдя до угла, мы встретили совершенно пустой трамвай, идущий из села Гражданка. Владимир Ильич предложил вскочить в него. Я согласился

с условием, что Ильич ни с кем не будет разговаривать. Кондуктором была женщина. К моей досаде, Владимир Ильич начал расспрашивать ее, куда она едет, почему и т. д. Она сперва было отвечала, а потом говорит:

— Вот чудак, откуда ты только выискался? Неужели не знаешь, что будет революция? Мы едем буржуев бить!..

К моей досаде, Ильич начал рассказывать ей, как надо делать революцию, а я сидел как на иголках до тех пор, пока на углу Боткинской и Нижегородской трамвай свернул в парк, и мы пошли дальше пешком».

Телеграмма главного начальника Петроградского военного округа полковника Полковникова 25 октября 1917 г. верх. главнокомандующему.

«Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления; казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили. Сознывая всю ответственность перед страной, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будет сделано попытки к захвату Временного правительства».

Н. И. Подвойский — председатель Петроградского Военно-революционного комитета, один из руководителей штурма Зимнего дворца.

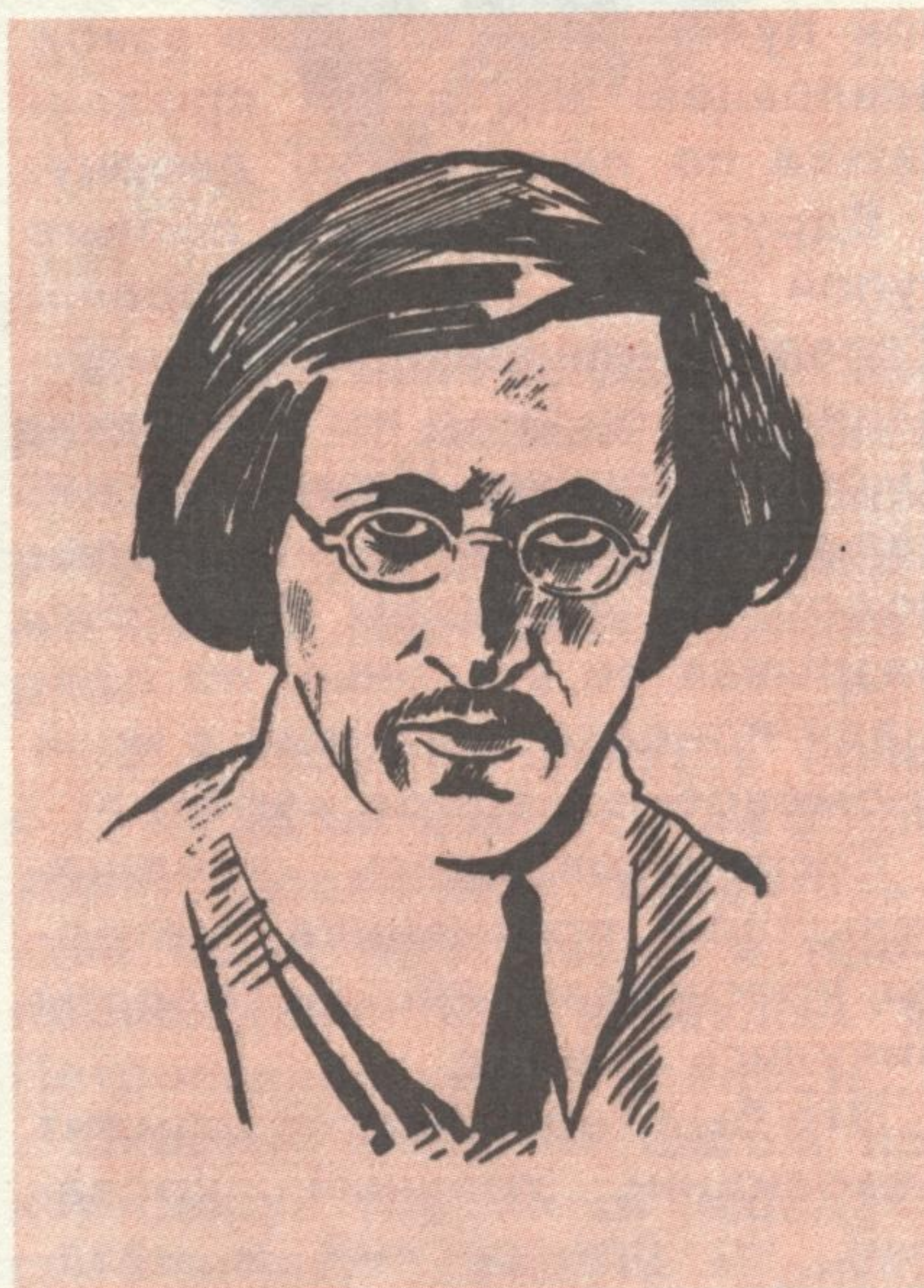
«...Появившись в Смольном, Ленин стал непосредственно душой восстания и одновременно он же разрабатывал план работ открывающегося в тот день съезда. Воля пролетариата к восстанию выражалась в лице Ленина в этот день в твердом, настойчивом руководстве и в том, что он чрезвычайным нажимом не позволял отступать ни на минуту от темпа восстания».

Генерал Баградуни, начальник штаба Петроградского военного округа.

«Положение чрезвычайно трудное. Гарнизон никаких приказаний штаба округа не исполняет, но, по-видимому, и не выступает против правительства. Для окарауливания Зимнего дворца и вообще центра (то есть штаба, площади и прилегающих улиц) были сосредоточены все наиболее действенные части, т. е. школы прапорщиков. Нами была за-

нята телефонная станция, но пришли кексгольмцы, и юнкера сдали ее без сопротивления. Государственный банк охраняла пехотная часть и два броневики, но сегодня утром броневики были окружены и, не оказав никакого сопротивления, сдались.

Были силы: три казачьих полка и 9-й кавалерийский полк, но по нашему приказанию ни один полк не вышел. У нас остались училища и школы, около девятисот юнкеров. Все находятся в Зимнем дворце и некоторая часть в штабе округа. Кроме того в нашем распоряжении имеется две сотни офицеров».

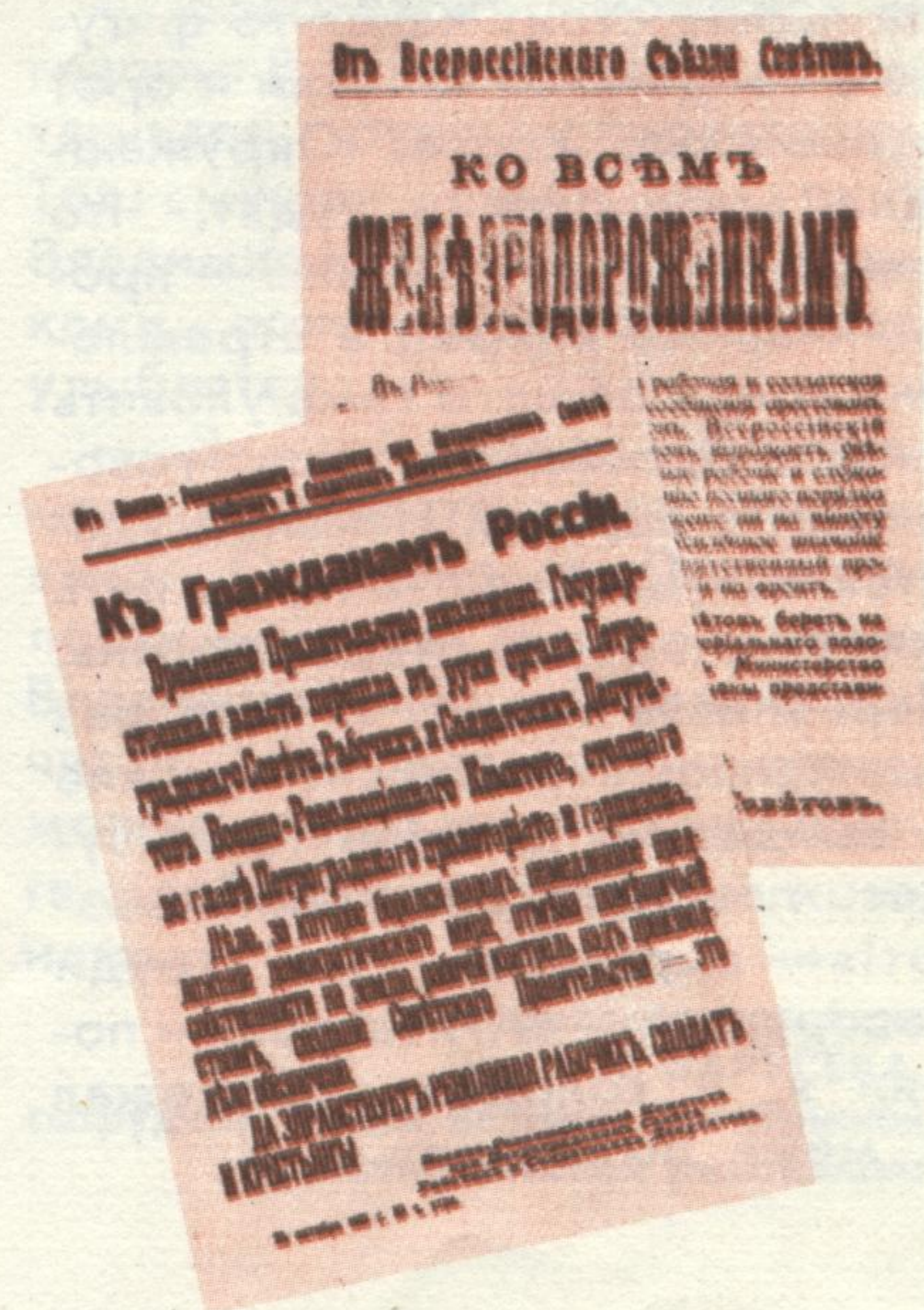
Антонов-Овсеенко В. А. Член Военно-революционного комитета, один из руководителей штурма Зимнего дворца.

«Двенадцать часов 25 октября. По словам коменданта Петропавловки Благоднарова, все в крепости готово, орудия накатаны на валы, обстрел Зим-

него дворца можно начать по первому сигналу. Из Смольного сообщают, что захват всех правительственных зданий и вокзалов обошелся без кровопролития.

...Миноносцы из Гельсингфорса прибыли и с рассветом вошли в Неву. «Аврора» двинулась к самому Николаевскому мосту.

Ну вот, кронштадтцы идут — изрядно запоздали. Несколько тысяч молодых, стройных парней, с винтовками в надежных руках заполняют палубу транспорта. Говорю им краткое приветствие, именем Советской власти указываю цель: вот Зимний дворец — последнее прибежище керенщины, его надо взять. Сейчас они высаживаются у Конногвардейского бульвара, войдут в связь с первым флотским экипажем и после артиллерийского обстрела атакуют Зимний. Я говорю им, гляжу на эти энергичные, нетерпеливые лица. Нет, этих нечего агитировать. Могучий молодой вал дока-

стоять юнкер, бледный как полотно.

— Здесь правительство,— сказал он, нерешительно преграждая путь.

— А здесь революция,— ответил один из сопровождавших меня матросов.

Мы открыли дверь и увидели растерянные фигуры членов Временного правительства...

Телеграмма подполк. Ковалевского (исполн. должность комиссара Временного правительства при штабе верх. главнокомандующего) 26 октября 1917 г. комиссарам всех фронтов, армий и военных округов о свержении и аресте Временного правительства.

«Сообщаю обстановку данного момента в Петрограде: Невский до Мойки свободен от движения. От Мойки до Зимнего дворца и кругом все патрули матросов и солдат петроградских полков не пропускают никого. Остальные улицы свободны для движения, даже трамвайного. Вокзалы, телеграф и телефон заняты восставшими войсками. Около Смольного, где помещается штаб восставших войск, дежурят два броневика и несколько пулеметов на автомобилях.

...Фактическое соотношение сил таково, что до позднего вечера, когда началась осада Зимнего дворца, восстание происходило бескровно.

Восставшие снимали правительственные посты без всякого сопротивления. План восстания, несомненно, был заранее разработан и проводился стройно. Комитет Спасения никакими силами не об-

ладает. Крейсер «Аврора» подошел к Николаевскому мосту и обстреливал Зимний дворец, где собрались члены Временного правительства, охраняемые юнкерами. Около полуночи Зимний дворец был взят приступом...»

В. Д. Бонч-Бруевич — соратник В. И. Ленина, участник Октябрьской революции в Петрограде, управляющий делами Совета Народных Комиссаров.

«В 2 часа 10 минут в ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) Временное правительство было арестовано и препровождено под караулом в Петропавловскую крепость...

Скорым военным шагом по коридору торопится солдат-самокатчик, одетый в черную кожаную куртку и такие же шаровары. Через плечо у него дорожная сумка, которую он придерживает левой рукой.

— Где штаб Военно-революционного комитета?— обращается он к стоящим на часах у дверей двум красногвардейцам.

— А тебе кого?

— Ленина! Донесение...

Часовой поворачивается к двери и говорит товарищу:

— Так что требуется разводящий... Прибыл курьер. Без пропуска... В штаб... Требуется Ленина...

Вышел разводящий. Опросил, откуда и от кого курьер.

— Из Зимнего дворца... От главнокомандующего Подвойского.

— Идем...

— Донесение!— говорит самокатчик, входя в дверь соседней комнаты.— Требуется Ленин.

Владимир Ильич подходит.

— Что скажете, товарищ?

— Вы и есть Ленин?— смотря с любопытством на Владимира Ильича, говорит самокатчик. Глаза его радостно поблескивают. Он быстро отстегивает клапан у сумки, достает листок бумаги, бережно передает его Владимиру Ильичу, беря под козырек, и кратко рапортует:

— Донесение!

— Благодарю, товарищ,— говорит Владимир Ильич и протягивает руку самокатчику. Тот смущен, схватывает руку Владимира Ильича обеими руками, пожимает, встряхивает, улыбается...

— Зимний дворец взят. Временное правительство арестовано. Отвезено в Петропавловку,— вслух быстро читает Владимир Ильич... И только дочитал, как раздалось «ура», мощно подхваченное красногвардейцами в соседней комнате...

Материал подготовила
И. КАРУСЕВА,

сотрудник Музея Великой Октябрьской социалистической революции

САЛЮТ, «АВРОРА»!

Начало см. на стр. 1

В начале января 1918 года бюро по борьбе с контрреволюцией перехватило письмо: «На ваше судно неизвестные люди собираются сделать покушение за крупную сумму денег...» Об этом сразу же сообщили в судовой комитет «Авроры». Потом пришло еще одно письмо. В нем тоже шла речь о деньгах, о 100 тысячах рублей, обещанных за взрыв на «Авроре». А в конце письма приписка: «Просим быть на страже, а то будет печально, если найдется негодяй, который согласится свою шкуру продать и всю трудовую массу», то есть весь трудовой народ. И подпись: «Сочувствующий II съезду Советов...» Это тому самому съезду, на котором Ленин провозгласил победу социалистической революции.

Прошел январь, февраль и половина марта. Ничего подозрительного не замечали охранявшие крейсер матросы и офицеры. На «Авроре» уже забыли о предупреждении: мало ли каких угроз не раздавалось в ту пору в адрес Советской власти.

30 марта в 8 часов утра стоявший вахту у трапа матрос Федор Найчук заметил, как по льду мимо носа крейсера прошел, часто оглядываясь, солдат. «Аврора» стояла метрах в ста от берега, и мимо нее по тропинке переходили Неву жители Васильевского острова. Но солдат своим поведением отличался от обычных прохожих. Он вдруг подошел к трапу и спросил Найчука:

— Товарищ, можно взойти на корабль?

— А вам кого надо? — тут же остановил его Федор Найчук.

— Я, — говорит солдат, — вчера проходил с работы и около вашего парохода нашел «гостинец» и сперва обрадовался. Когда же принес на квартиру, то развернул и осмотрел и вижу, что это нехорошая вещь, одним словом, что-то подозрительное. Вижу, что вещь для меня негодная и решил принести к вам на корабль.

Федор разрешил незнакомцу взойти на трап, принял у него перевязанный пакет, весивший килограмма два, не больше. Солдат же быстро куда-то ушел. А Федор с вахтенным матросом развязали пакет, развернули бумагу и обнаружили жестяную коробку... с толовыми шашками. Не раздумывая, Найчук понес сверток в судовой комитет.

Туда же вызвали артиллериста крейсера Винтера. Он быстро определил, что в свертке был подрывной патрон с часовым механизмом. В этом патроне, как только подходило время, срабатывал ударник и взрывались 15 толовых шашек. Таким количеством, конечно, крейсер не взорвешь, а только сделаешь небольшую пробоину в борту. Но если бы «адская машинка» попала в пороховой погреб корабля?..

Артиллерист обезвредил подрывной патрон и только после этого опасность взрыва миновала. И все же через час случилось непредвиденное: в капитанской каюте раздался похожий на хло-

пок в ладоши взрыв. Случилось это из-за того, что артиллерист крейсера, находившийся у командира вместе с разобранным уже взрывателем «адской машинки» и, разумеется, без толовых шашек, которые отнесли на хранение в пороховой погреб корабля, стал объяснять принцип действия часового механизма. И тут вдруг раздался взрыв — уже отключенный механизм сработал. Винтер был тяжело ранен. Командир «Авроры» отделался несколькими царапинами на лице. Вот какой был хитроумный часовой механизм в этом «гостинце» — с двойным секретом.

На следующий день 14 шашек из подрывного патрона были по приказу командира утоплены в Неве. А одну оставили для прибывшего на корабль следователя — в качестве вещественного доказательства неудавшегося покушения на «Аврору».

Федор Найчук дважды по указанию следователя из Морской следственной комиссии ходил на поиски того солдата, что принес на «Аврору» сверток с «адской машинкой». Естественно, ходил он искать его не по бесконечным улицам Петрограда, а на завод, где работал этот солдат. Место работы он указал сам еще на трапе, вручая Найчуку сверток: Новая Голландия. Так назывался уголок в западной части старого Петербурга, где располагались корабельные мастерские и жили корабелы. Но даже когда перед Найчуком выстроили всех рабочих Новой Голландии — многие из них были в солдатской одежде, — Федор так и не признал того, кто приходил на «Аврору». Видно, был это совсем другой человек. Может быть, помощник того негодяя, что взялся за 100 тысяч рублей взорвать крейсер революции и предать трудовой народ?

А на такие деньги в ту пору можно было купить, как мне сказал мой отец, например, тысячу пудов ржаной муки... Огромное богатство!

Я вспомнил эту историю не только потому, что это одна из многих историй, в которых «Авроре» угрожала смерть или рана. Крейсер мог погибнуть не меньше семи-восьми раз, и каждый случай в своем роде необыкновенный. Я вспомнил эту историю с «адской машинкой», разглядывая новый, помолодевший крейсер. Ведь теперь и трап у него такой же, на каком Федор Найчук принял «гостинец» от переодетого солдата. И прожектор на мачте такой, какой светил революционным отрядам. И баковое орудие поставлено точно на то же место, откуда стреляло, подавая сигнал к штурму Зимнего дворца. Восстановлено даже место для матроса на мачте, откуда раньше всего была видна земля на горизонте и откуда первым раздавался долгожданный крик: «Земля!» И еще десятки и сотни разных предметов и деталей, за каждой из которых скрывается какая-нибудь известная или неизвестная история из жизни «Авроры».

Вот для чего трудились рабочие всех кораблестроительных заводов Ленинграда. Вот для чего рылись в архивах и в старых чертежах ученые и инженеры. Вот почему три года продолжался этот необычный поход «Авроры» — в 1917 год.

М. БЕЛОУСОВ

В начале Великой Отечественной войны мне довелось командовать легендарной подводной лодкой Краснознаменного Балтийского флота «Пантера». Она была построена еще в 1916 г. по проекту выдающегося русского кораблестроителя И. Г. Бубнова. «Пантера» сразу же по вступлении в строй стала принимать активное участие в боевых действиях первой империалистической войны с кайзеровской Германией, потопив за один боевой поход вражеский транспорт и охранявший его боевой корабль.

Экипаж «Пантеры» принимал участие в событиях Февральской революции 1917 г., а несколько пантеровцев вошли в экспедиционный отряд балтийских моряков, который штурмовал Зимний в октябре 1917 г.

В 1918 г. подводная лодка «Пантера» в составе Красного Балтийского

флота совершила героический переход из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт.

В незабываемом 1919 г. подводники с «Пантеры» участвовали в обороне Красного Петрограда от наседавших полчищ белогвардейцев генерала Юденича и иностранных интервентов. Именно в ту пору, 31 августа 1919 г. подводная лодка совершила свой героический подвиг, потопив на ближних морских подступах к Красному Петрограду новейший эсминец «Виттория» из состава эскадры английских интервентов, пытавшихся безнаказанно хозяйничать в наших советских водах. Так «Пантера» впервые открыла боевой счет советских подводников, который ими был многократно умножен в годы Великой Отечественной войны потоплением многих десятков фашистских кораблей.

«Пантере» довелось стать единственной подводной лодкой, участвовавшей в трех войнах — первой империалистической, гражданской и Великой Отечественной. Ее экипаж принимал деятельное участие в революционных событиях 1917 г. За сорок лет пребывания в строю Балтийского флота у подводников с «Пантеры» выработались замечательные боевые и революционные традиции.

Мне как последнему командиру «Пантеры» особенно приятно рекомендовать вниманию юных читателей «Костра» отрывок из повести молодого ленинградского писателя И. Бояшова об эпизоде потопления подводной лодкой 31 августа 1919 г. вражеского эсминца «Виттория».

И. БЫХОВСКИЙ

И. БОЯШОВ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки Б. Аникина

Холодным августовским вечером по улицам города-крепости шли два человека. Один в кителе, офицерской фуражке. У другого матросский бушлат опоясан портупеей. Кобура нагана на боку.

Ветер рвет ленточки бескозырки.

Ветер рвет красные ленты лозунгов над притихшими улицами.

Шумят хмуро деревья.

Двое направляются к гавани.

— Дела серьезные! — вполголоса рассказывает худощавый, подтянутый военмор, расстегивая на ходу верхнюю пуговицу кителя. — Эсминцы покоя не дают нашему приморскому флангу! Обстреливают! Не угомонятся никак!

Совсем недавно английские катера атаковали Кронштадтскую гавань, вошли в полной уверен-

ности в своей безнаказанности... Не тут-то было! Загрохотали пушки эсминца «Гавриил», и хотя катера взорвали торпедами плавбазу подводных лодок «Память Азова», но три из них нашли свой конец возле фортов.

— Нужно помочь приморскому флангу! Англичане там безнаказанно находиться не могут! Правда, для нашей лодки место для крейсерства неудобное, знаю... Копорский залив... Мелководье... Но приказ есть приказ!

Говоривший — новый командир «Пантеры» Александр Николаевич Бахтин. Ему недавно исполнилось двадцать четыре.

Шагающий рядом с ним комиссар Иванов — плотный, невысокого роста, крепко сбитый матрос. Большевик с 1917 года. Плавал мотористом на подводных лодках больше десяти лет...

Два моряка шагают по городу.

— Команда должна узнать о боевой задаче перед самым походом! А пока молчок! Ни слова. Чтобы ни одна живая душа, кроме помощника и штурмана!

Тишина. Гулкие шаги. Вот и гавань. У стенки плавбаза подлодок. Трап. Часовой. Переключка. Вот и она — «Пантера». Покачивается, блестит по-рыбьи узкой полосой. Орудия. Рубка. Красный флаг на корме.

Ранним утром 31 августа 1919 года «Пантера» выходила из Кронштадтской гавани.

Тишина. Туман рассеивается. Солнце. Крики чаек. Чистый, прозрачный воздух. Мерно стучат дизели. За кормой растекаются легкие волны.

Кронштадт как на ладони. Гранит. Темнеющие сады. Город молчаливо провожает лодку. И долго еще вдали поблескивает купол его собора.

Счастливого плавания!

В неясной дымке проглядываются дальние берега.

Бахтин оглянулся в последний раз, словно запоминая эту спокойную красоту.

— Веселее, веселее! — приказал сам себе. — Выше голову!

— Приготовиться к погружению!

Сейчас носовые цистерны примут балласт, заполнятся бурлящей водой.

— Рули на погружение!..

Небольшая воронка, круговерть темной воды — и лодки уже нет. Над пустынным Финским заливом загорается день.

Под водой, мерно работая электромоторами, «Пантера» поглощает милю за милей.

Команда, не занятая вахтой, отдыхает. Кто лежит, пытаясь заснуть, кто разговаривает вполголоса. Тускло горят лампочки. Мерно вздрагивает корпус.

В аккумуляторном отделении заполняют разговорами тянущиеся бесконечно часы. Тихий перебор гитарных струн. Читают, временами поднимая голову, прислушиваясь к мерному гудению электромоторов, и пожилой боцман рассказывает неторопливо:

— Катера английские — звери, не катера... Как на Кронштадт, значит, они налетели, с «Гавриила» ребята рассказывали... Шпарит, что на крыльях летит, — все сорок узлов тебе выкладывает... Ну и шум! Ревет! Одного страху только может нагнать, если не разобраться... Сзади бурн вздымает... Брызги одни! С «Гавриила» чуть ли не первым выстрелом — прямое попадание! Все в щепки разлетелось. Подобрали кое-кого, чудом, говорят, живы остались!

— Зато «Первозванному» досталось на орехи! Всю корму разворотили!

Гитарист подбирает что-то фальшиво.

— Ну, паря, музыкой своей всю душу вывернул! Играть бы умел! Бренчишь, как по доске стиральной!

— Вот у нас, братва, балалаечник, помню, служил... Ой, уж и залихватский, выделял такое

чудо, заслушаешься! Антон Захарьев, моторист — а играл — бог! Какое там бог, ну прямо душа разрывалась, как у него пальцы не заплетутся... Вот выкидывал!

— Командира в боевую рубку!

— Ну, кажись, первый подарочек!

— Посмотрим, — спокойно отвечал Бахтин. Вахтенный начальник уступил место у перископа. И вдруг... Полным ходом кабельтовых в тридцати на лодку идет английский эсминец! Вот уже эсминец настолько близко, что видны копошащиеся на палубе матросы. На носовой мостик поднялся офицер, сверкнули стекла бинокля... К счастью для «Пантеры» — море неспокойно... Барашки маскируют след тонкой трубы перископа.

За эсминцем, возле чужого финского берега думы. Много дымов, но не видно, что за корабли!

— Эсминец! — бросил Бахтин, зная, с каким нетерпением в центральном посту и отделениях ждут от него хотя бы короткого слова.

— Эсминец! — загудело, ушло вглубь. — Эсминец...

Резанул по ушам звонок боевой тревоги.

Иванов уже рядом с командиром.

Бахтин прикидывал расстояние. Думал. Он ощутил знакомое волнение, когда нервы сливаются в один кричащий комок, тогда усилием воли приходится сдерживать себя.

Сверху усиливающийся шум винтов взрывает воду, сотрясает ее. Тень эсминца скользит над затаившейся «Пантерой».

Шум удаляется.

Возбужденный говор:

— Ну, братцы, этот не наш!

— Что свернули-то? Дать ему с развороту!

— А вдруг там еще с полдюжины?

— Дать и уйти!.. Эх, упустили!

— Командиру виднее!

Два раза «Пантера» подвсплывала на перископную глубину и два раза Бахтин видел все тот же эсминец!...

Вскоре показался и второй.

В боевую рубку вместе с комиссаром поднялись поочередно Шишкин и Краснов.

Смотрели в окуляр.

Эсминцы встали поодаль друг от друга, восточнее острова Сескар. Солнце освещало их, словно дразня подводников, обводило золотистой короной строгие контуры труб, мачт, пушек.

— Ну? — спросил Бахтин.

— Трудно отказаться! — в тон ему ответил Шишкин.

— Вот и я думаю! Уж больно просятся!

— Корабли новые!

— Передний «Виттория»! Только что на воду спущен! Новейший! Что же! Торопиться, видно, ни им ни нам некуда. Со стороны острова атаки они ожидать не будут.

— Спокойней, спокойней, братки! — комиссар ходил по отделениям.

— Смотрите, черти чумазы! Не намудрите! — пригрозил минным машинистам.

Наконец вахтенный начальник доложил о готовности торпед.

Слова командира свинцом падают в центральный пост. На лодке тишина. Люди замерли. Ожили приборы.

И вот — ревун! Боевая тревога! Хоть и ждали этого звонка — вздрогнули невольно!

Ближайший английский корабль — эскадренный миноносец «Виттория» всего кабельтовых в десяти. Стоит спокойно, уверенно. На палубе никого. Реет на корме флаг военно-морского флота «владычицы морей». Англичанам нечего беспокоиться. После ночной стоянки эсминцы вновь пойдут к нашим берегам. Жерла пушек, застывших сейчас, оживут, рывкнут.

Бахтин чувствует, как холодеют пальцы.

А солнце уже закатилось за горизонт. Еще немного, и стемнеет.

— Пора! — сказал сам себе командир.

Бахтин оглянулся на рулевого Мельникова. В глазах рулевого азарт — нет-нет да и вспыхнут озорные искорки. Скоро ли?

В центральном посту Федор Сакун не отрывается от приборов управления торпедной стрельбой.

Молчание.

Солнечный тихий вечер. Волны убаюкивают английские корабли.

— Открыть передние крышки носовых аппаратов!

До цели шесть кабельтовых... Пять... Четыре... «Пантера» пришла в точку залпа.

— Носовые аппараты — товсь!

Напряжение. Застывшие лица. Моряки, отделенные от врага тонкой пленкой воды, словно видят надменный корабль, полотнище флага, тонкие стволы орудий.

— Правый аппарат!

В отделениях затаили дыхание.

И вот оно, решающее, ударившее жестко: «Пли!!!»

Лодку качнуло. Торпеда выбита из аппарата могучей силой сжатого воздуха, обрадовавшись, с готовностью рванулась, засвистела, распарывая воду...

— Левый аппарат — пли!

Еще одна торпеда кинулась нетерпеливо вслед за первой, пошла догонять, работая винтами... Пенный след широкой полосой протягивался к борту эсминца.

«Медленно! Медленно! — успел подумать Бахтин. — Заметят ведь...»

Сжавшимся сердцем следил за скользящим следом. «Не подведи, милая», — мысленно подгонял, подбадривал...

Секунды тянутся.

— Ну! — чуть не вскричал Бахтин.

Ослепительная вспышка! Столб воды — и тишина раскололась ужасающим грохотом, и сразу же у борта взметнулись клубы черной гари, рыжевато-рваное пламя, куски, осколки... «Виттория», содрогаясь, уже кренилась, проваливалась, тонула, черпая воду развороченными бортами.

«Пантеру», облегченную залпом, пробкой выбросило на поверхность. Показалась рубка. Лодку увидели.

Справа и слева полыхнули взрывы. Это беспорядочный огонь открыли с другого эсминца.

— Срочное погружение!

Ныряющие снаряды ложились на том месте, где только что мелькнула и исчезла «Пантера».

Взрыв... Еще взрыв.

Внезапно погас свет. В центральном посту загремело, рассыпалось, захрустело под ногами.

— Спокойно! Спокойствие, ребята! — Голос комиссара. — Дело сделано! Сейчас отдохнем — и айда домой!

Однако подводники понимали, что это будет за «отдых»!

Правда, они еще не знают — на уничтожение лодки англичане бросят девять эсминцев, гидропланы — все имеющиеся средства. Любой ценой потопить дерзкую большевистскую субмарину! Любой ценой!

«Пантера» уходит от погони уже больше десяти часов.

— Аккумуляторы почти полностью разрядились! — доложили Бахтину!

— Знаю!

— Трубопровод пропускает воздух! Давление повышается!

— Пустить компрессор! Откачать воздух в баллоны-воздухохранители.

Сжатый воздух откачали в баллоны. Но дышать становится тяжелее и тяжелее. Всплывать на поверхность нет никакой возможности.

— Слева и справа шумы винтов! — хрипит акустик.

Люди начинают задыхаться. Повышается температура. В отделениях скапливается углекислота.

— Справа и слева шумы винтов...

Уже глубокая ночь. На поверхности метание прожекторов, тени кораблей.

Бахтин сделал еще одну попытку поднять «Пантеру», но только приподнялась над водой ее рубка — полоснул ослепительный свет... Опять выстрелы, взрывы...

«Пантера» ушла на глубину.

Темно в отделениях. Приглушенное дыхание. Многим уже на два-три слова не хватает сил.

— Крепись, ребята! Крепись! — комиссар, стиснув зубы, обливаясь потом, обходит отделения.

Мотористы падают в изнеможении, но встают, встают, цепляясь за механизмы... Жарко. Духота. Пот заливают глаза. Воздуха! Воздуха... Хоть глоток!

Краснов нервничает — лодка потеряла ориентировку... Где-то здесь уже должен быть Шепелевский маяк. Или уже проскочили? ...Тогда Толбухин... А за ним — уже Кронштадт! Но здесь везде наши минные поля... Нужно определиться, проложить курс в проходах.

Штурман с трудом поднялся в рубку.

Бахтин нашел в себе силы улыбнуться.

— Что, Саша? Если проход в полях не нащупаем, попадемся как кур в ошип! А на своей мине глупо погибать.

— Попытаемся всплыть?

— Куда там!

Над головами вновь забухали взрывы. Лодку качало.

Погоня не отставала! Самое страшное для «Пантеры» — малые глубины! Несколько раз коснулись килем грунта. Корпус лодки дрожал.

— Справа шум винтов!.. Слева шум!

Четыре часа утра. Пять часов... Время растянулось. На сколько минут еще хватит сил? А потом? Уже больше суток без воздуха — такого еще не бывало! Но приходится терпеть. Приходится. И лодка, и люди на пределе!

— Не могу, братцы! — шепот.

— Можешь!

Еще немного, и «Пантера» станет братской могилой для экипажа. Замолкнут моторы. Мертвая лодка уйдет в ил, как железный безмолвный гроб. Все гонят от себя подобные мысли — смерть от удушья, мучительная смерть! Скрипят зубами, держась уже за одну только надежду, слабую, словно мелькнувший луч в кромешной тьме.

— Ну, если живыми выкарабкаемся отсюда, братва... Командира расцелую при всех... Не стыдно будет... — прохрипел Сакун. — Ей-ей, расцелую!

— Братцы! Никак отстают! — слабый вскрик. — Никак потеряли нас!

Подводники прислушиваются напряженно. Надежда вспыхивает с новой силой, как вспыхнувшее внезапно пламя в едва тлеющем костре.

Шумы винтов тише. Тише. Прекратились взрывы.

— Точно потеряли! Ну, теперь держись, братки!

И тотчас приказ Бахтина из рубки:

— По местам стоять! К всплытию!

Лодка подвсплыла — новая беда! Туман. Сплошная белая полоса. В перископ ничего не видать, кроме комков белоснежной ваты.

Бахтин ждет. Ждет, когда рассеются рваные клочья. Достал из кармана тужурки часы.

— Немного осталось! — подбадривает сам себя. — Теперь выдержим! Должны!

На комиссара Иванова смотреть страшно — осунулся, бледное лицо поросло щетиной, глаза горят лихорадочно.

— Как дела?

— Сейчас определимся! Людям скажите — немного осталось! Чуть потерпеть.

— Выдюжим, командир!

Текут минуты. Тяжелые. Вялые. Наваливающиеся удушливой дремотой. А там, всего в нескольких метрах над задыхающимися подводниками, на поверхности залива — свежий утренний ветерок, разгоняющий белые хлопья. Там — встающее солнце. Там жизнь!

Бахтин протирает слезящиеся глаза. Нет, не показалось! Невдалеке выплыли из молочного плена знакомые, до боли знакомые очертания башни.

— Штурмана! — дрогнувшим от радости голосом приказал Бахтин.

— Штурмана! — эхом повторили там, в душной темноте.

Радостная весть, что рядом маяк, быстро разнеслась по всей лодке. Воспрянули, зашевелились, закашляли... И вдруг! Звонкий, веселый петушиный крик! Измученные люди ошалело вертели головами. Откуда?

Смех — тихий, кашляющий, но все же смех расползся по «Пантере». Смеялись доведенные до крайней степени усталости мотористы, машинисты, рулевые... Смеялся помощник командира, штурман, смеялся сам Бахтин...

Это комиссар и здесь остался верен себе — знал, чем можно подбодрить утомленную команду. Сам чуть ли не падая, нашел в себе силы.

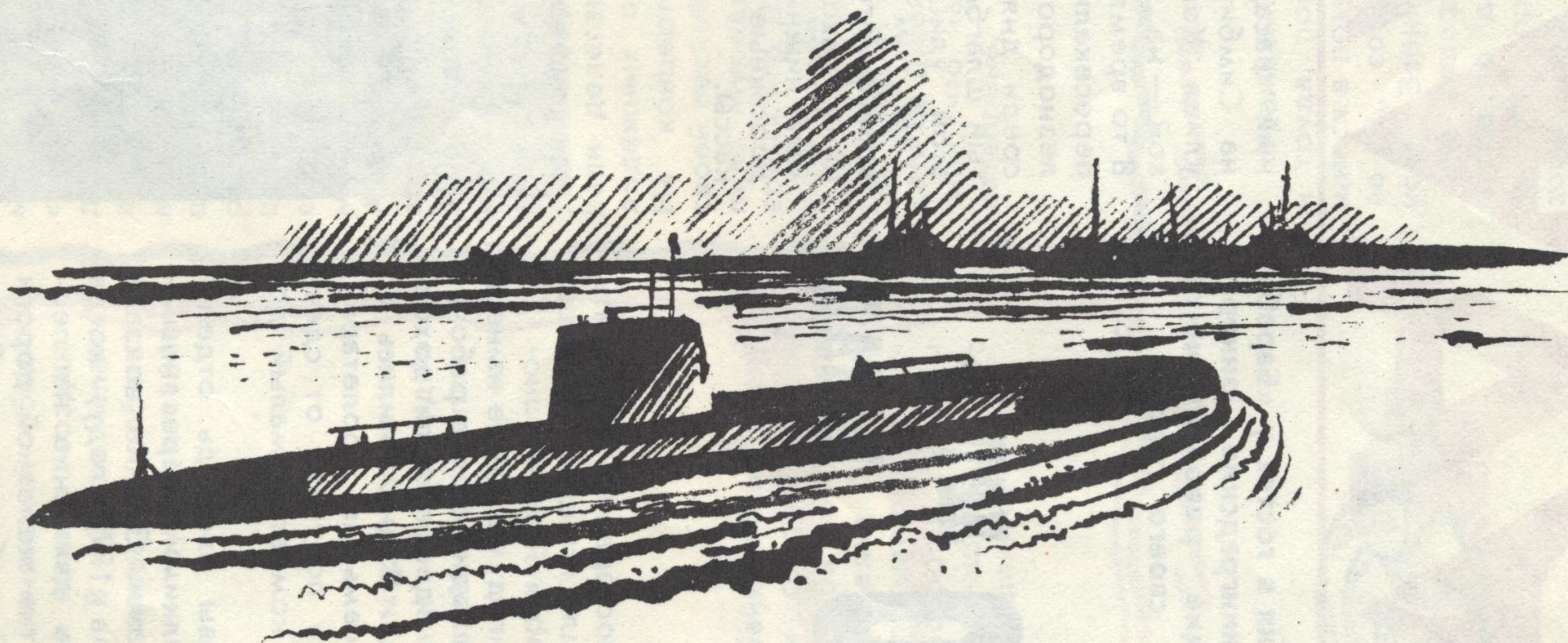
Рубочный люк отдраен.

Синь неба над головой.

Потерявших сознание выносили на руках. Прислонялись к ограждению, покачиваясь, словно пьяные. Измученно улыбались, ловили посиневшими губами редкие капли брызг.

А там, вдали...

Там уже темная полоска берега. Кронштадт.

ИЗБАРАНА

ЖУРНАЛ
ЮНКРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ
СТИХИ
РИСУНКИ

Сегодня в гостях у «Барабана» ленинградские юнкоры, изучающие революционную историю своего города.

70 ЛЕТ НАЗАД

Мы постарались выяснить, какой была площадь, носящая сегодня имя Ленина.

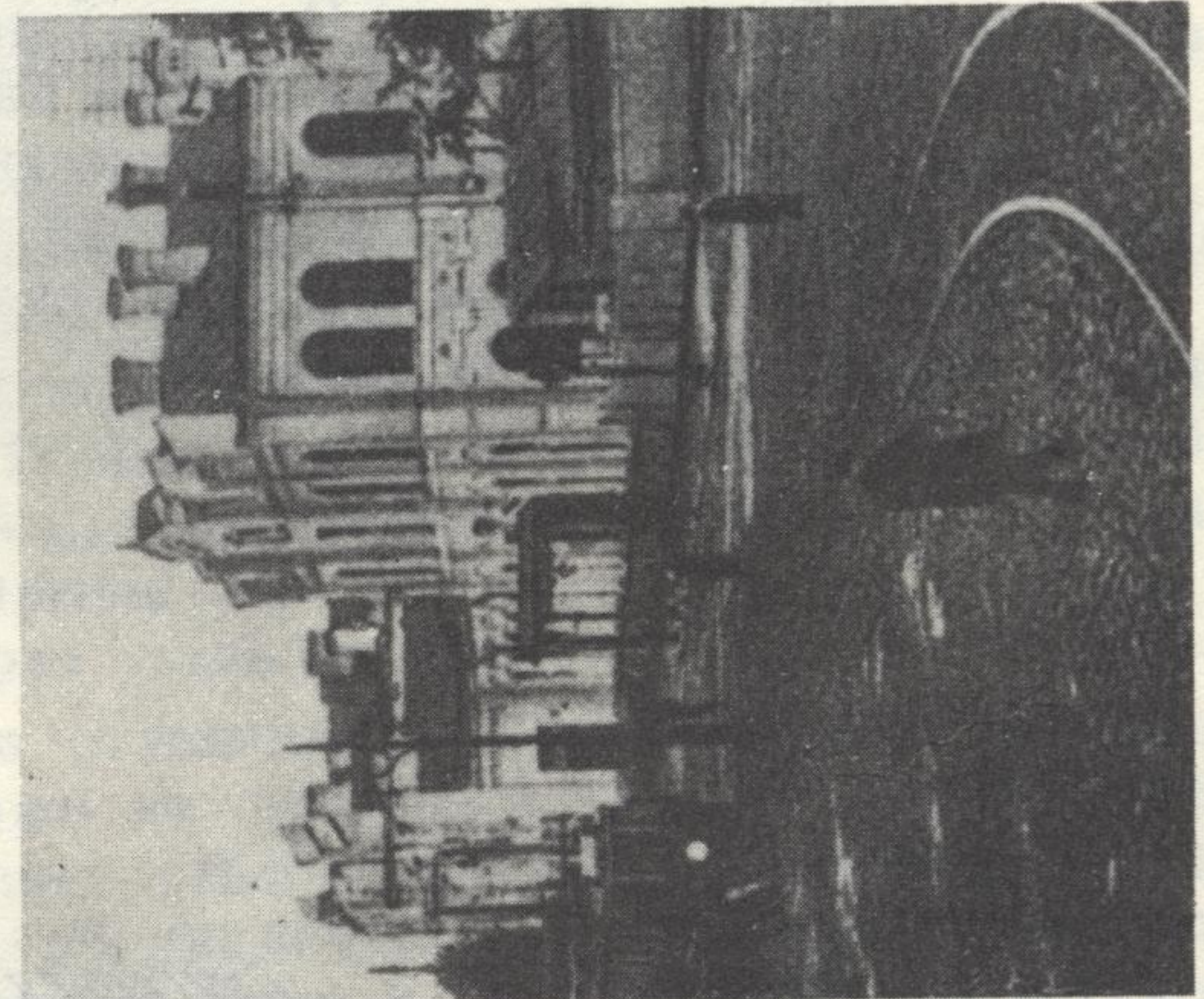
В 1917 году на месте нынешней площади была рабочая окраина. Здесь стояли доходные дома. В них ютились со своими семьями пролетарии, а хозяева получали от сдачи углов и комнат немалый доход.

От Невы площадь отделялась мелкими деревянными постройками. Здание вокзала возвели в 1870 году, когда открылось движение на первом участке железной дороги между Петербургом и Гельсингфорсом (Хельсинки). Глав-

ный фасад вокзала выходил на Симбирскую улицу (ныне улица Комсомола), а боковой — на Финский переулок. В то время Симбирскую улицу пересекали маневровые железнодорожные пути. Нередко среди дня опускался полосатый шлагбаум, и движение по этой улице останавливалось.

На том месте, где сейчас возвышается памятник Ленину, находился так называемый нижний двор — железно-дорожные службы, склады, кассы.

Пионеры 6-а класса
298-й школы

РУХНУЛ ЦАРЬ

Площадь перед Финляндским вокзалом была свидетелем многих революционных событий. Например, 27 февраля 1917 года здесь состоялся грандиозный митинг «Рухнул царь!». На нем выступал Калинин. Из «Крестов», старой царской тюрьмы, находившей-

ся по соседству, были освобождены политзаключенные. Участники митинга взяли на заводе «Арсенал» 40 тысяч винтовок и 30 тысяч револьверов и, вооружившись ими, громили полицейские участки.

Костя Козлов,
3-а класс, 105-я школа

ПАРТБИЛЕТ №600

Во время встречи Ленина на перроне Финляндского вокзала произошло одно памятное событие: секретарь Выborgской парторганизации большевиков Иван Дмитриевич Чугурин вручил Ленину партийный билет № 600.

Чугурин, известный под партийной кличкой «товарищ Петр», был учеником ленинской партийной школы в Лонджомо под Парижем.

Мы узнали об этом в мемориальном ленинском музее на Болотной.

Пионеры 76-й школы

В КАНУН ОКТЯБРЯ

Вечером 24 октября 1917 года Ленин в сопровождении Эйна Рахья направился из своей последней подпольной квартиры на Сердобольской улице в штаб революции Смольный. Трамваем они смогли доехать только до Нижегородской улицы, а дальше пешком по Финскому переулку к Литейному мосту. Перейдя мост, они свернули на Шпалерную (ныне улица Воинова) и благополучно добрались до Смольного.

Пионеры 4-в класса
138-й школы

Первый в Винницкой области школьный колхоз создан в селе Сокол. В «Юном чап-евце» — так назвали ребята свой колхоз — трудятся 164 школьника.

Каспийское море будет теперь бороздить новое судно «Пионеры Астрахани». Теплоход построен из металла, собранного астраханскими пионерами.

Летопись байкальских деревень решили создать члены школьного клуба «Искатель» бурятского поселка Кабанск. Пионеры записывают воспоминания старожил, легенды и были, передающиеся от поколения к поколению.

Когда стало известно, что международная конференция «Дети, развитие и мир» пройдет у нас в Ереване, мы начали усиленно готовиться к ярмарке солидарности. Все летошили мягкие игрушки, которые потом пользовались большим успехом и спросом. Было выручено 274 рубля, которые мы перечислили в Фонд мира. А плакаты, призывающие к разоружению и миру, вместе с 3106 подписями, а также петицию о Саманте Смит мы послали в СИМЕА.

На конференции присутствовали делегаты из многих молодежных организаций мира. На концерте-приветствии со своей песней о Саманте выступила Мурадян Лилит. Еще во время игр Доброй воли, когда мать Саманты была в Москве, мы эту песню послали в ЦК ВЛКСМ с просьбой передать ее Джейн Смит. Нам ответили, что наша просьба удовлетворена.

Клуб «Костер»,
Ереван.

ЕСТЬ ИДЕЯ!

В любой школе есть телефон. Можно на подъездах всех домов развесить объявления следующего содержания:

«Уважаемый ветеран войны и труда, пожилые и нуждающиеся в помощи люди! В школе №... создано бюро добрых услуг. Звоните по телефону...»

На телефоне должны периодически дежурить тимуровцы. Мы предлагаем организовать это во всех школах СССР.

Оксана Дегадюк,
Лена Северина,
г. Белая Церковь

Бабушка - пионерка

Я взял интервью у трех коренных ленинградок — моей бабушки Серафимы Ивановны и ее подруг Ирины Осиповны Алексеевой и Тамары Васильевны Власовой.

Бабушка и Ирина Осиповна до войны жили на улице Комсомола, а Тамара Васильевна работала на Финляндском вокзале в товарном депо.

У самого вокзала, со стороны, где сейчас установлен

ВСТРЕТИЛИСЬ ДВА ПИСЬМА

Мы не можем молчать про то, что случилось недавно.

Мы шли из школы и увидели, как трое мальчишек, озираясь, стали быстро развешивать пионерские галстуки и засовывать их в карманы. Мы подошли и спросили, зачем они спрятали галстуки. Один сказал, что ему жарко, а двое вообще ничего не сказали, а только усмехнулись.

Просим вас, напечатать наше письмо, чтоб эти и другие пионеры, которые прячут галстуки после уроков, поняли свою ошибку.

Алексей Бондаренко,
Дима Пуриш,
Феодосия

Мне очень понравилась заметка в «Барабане» об Олеге, который, несмотря на насмешки одноклассников-комсомольцев, не снял красный галстук. В нашей школе тоже бывает: приняли некоторых в комсомол — другим завидно. Что бы казаться старше, они снимают пионерский галстук. Учи-

исторический ленинский паровоз, стоял кирпичный дом. В первом этаже была пионерская база Финляндского железнодорожного участка. А на месте нынешнего магазина «Экспресс» был клуб железнодорожников. Здесь мою бабушку приняли в ряды юных ленинцев.

Андрей Селенков,
2 класс,
школа № 170

теля видят это и скорее стараются всех зачислить в комсомол, даже недостойных. Но я в своем отряде (в своем, потому что я командир отряда) поддерживаю строгую дисциплину. Вы можете на нас положиться.

Валерий Дёжаков,
6 класс,
поселок Горин,
Хабаровский край

Итак, две позиции. Алексей и Дима возмущаются пионерскими галстуками, не желающими носить галстук (правда, это возмущение вылилось лишь на бумаге). Валерий считает, что проблеме решит строгая дисциплина. А может быть, проблема в другом? Может, следует задуматься, почему та или иная школьная пионерская организация не пользуется у ребят авторитетом? Снимание галстуков — не стихийный ли это протест против формализма, бездействия, равнодушие той или иной пионерской дружины? Ваше мнение, юнкоры?

ФОТОКОНКУРС

ШУТНИЦА
Михаил Радзиковицкий, Пятигорск

МОЙ ДЕД
Саша Будников, Гомель

ТРУДНАЯ ПАРТИЯ
Сергей Алферов, Свердловская область

ЮНОК ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Ровно год назад Марина Оладийникова из города Киржач бросила вызов мальчишкам, обвинив их в неумении хорошо работать, чинить школьную мебель, мастерить нужные вещи своими руками.

Раньше у нас мальчишки тоже ничего не умели делать, но хорошо, что мастер у нас замечательный. Он постепенно приучал мальчишек к труду. Сначала они чинили в классах стулья, столы, другую мебель. А сейчас научились делать даже шкафы. Школа сдала за один месяц мебельной фабрики 260 шкафов, причем

совсем без брака. Их остается только отполировать.

Так что, Марина, ты не совсем права — мальчишки могут быть хорошими мастерами.

*Света Маслова,
6 класс,
школа № 16,
г. Брежнев*

Я полностью согласна с Мариной Оладийниковой. Мальчишкам доверять? Правда, есть у нас ребята, у которых всякая работа в руках спорится: и карниз прибьют, и стул починят. Но таких — единицы. Остальные делать ничего не хотят. Может быть, дело в родителях? У тех, чьи родители

трудолюбивые и все умеют, по труду одни пятерки. Если мальчишки считают, что я не права, пусть докажут — по-чему.

*Наташа Сурина,
6 класс,
школа № 15,
Нижегородск*

Я решительно не согласен с Мариной. Разве можно судить обо всех только по своему классу? У нас в мастерской делается мебель не только для школы, но и для деревни тоже. Правда, не шкафы и серванты, а столы и стулья. И жители очень довольны и очень благодарны нам.

Может быть, у Марины в школе мальчишки такие потому, что девочки не верят в их способности?

*Сергей Мытов,
7 класс,
деревня Голубково,
Свердловская область*

Меня зовут Лена. Учусь я в шестом классе. Хочу посоветоваться. На уроке украинского языка был такой случай.

Когда учительница украинского языка вызвала Женю к доске, то он сказал, что не выполнил домашнее задание. Она хотела поставить ему двойку, но тут кто-то выкрикнул: «Не ставьте ему «2», у него сегодня день рождения!» Учительница переспросила Женю о дне рождения, и он подтвердил. Она его поздравила и сказала: «Раз у тебя сегодня день рождения, то я двойку

тебе не поставлю, а поставлю пятерку». И поставила ему в дневнике и журнале «5». Как по-вашему, правильно сделала учительница?

Лена М.,
редактор стенгазеты,
поселок Червоный Донец,
Харьковская область

«Барабан» сожалеет, что у Лены не хватило смелости поместить заметку в своей стенгазете и подписаться своей фамилией.

«Пионерская жизнь не стоит на месте, — пишет семиклассница из Кокчетава Нелли Жусубева. — Но есть еще и такие отряды, где ребята даже не знают, кто входит в совет отряда. Там нет ни учкома, ни тимуровцев, ни следопытов. Об одном из таких отрядов я сочинила юмористический рассказ».

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

22 января. Утром учком 7-г начал поисковую работу в связи со странным исчезновением всех отличников. Отличники пропали давно, последний — во второй четверти шестого класса. Сегодняшний поиск закончился безуспешно. На класс надвигается эпидемия «двойкалени». Но учком упорно держится. Поиск продолжается.

24 февраля. Напали на след пропавшего без вести в пятом классе отличника Курочкина, но после длительного расследования нашли лишь троючка Рябочкина. Поиск продолжается.

26 марта. Выяснили, что вслед за Курочкиным пропала отличница Конопушкина. Ее исчезновение осталось загадкой. Отличницы Конопушкиной в

классе нет, но есть две троючницы: Конопушкина А. и Конопушкина Б. Эпидемия становится все сильнее. Но поиск продолжается.

28 апреля. Не найдя еще двух отличников, пропавших аж в четвертом классе, учком принялся искать последнего из пропавших отличников — Яблочкина. Двое из учкома не смогли продолжить поиск, эпидемия захватила их. Поиск Яблочкина закончился неудачей. Единственный Яблочкин в классе оказался отстающим. Поиск продолжается.

30 мая. Пишу, быть может, последнюю страницу своего дневника. Эпидемия разрастается, но мы держимся. Точнее, держится актив, который тоже постепенно поглатывается эпидемией. Поиск продолжается...

МИР В БЛОКНОТЕ

Вот и вернулся ко мне тот блокнот, который я вручила Володе на перроне Московского вокзала в день его отъезда из Ленинграда.

Участник детской Миссии мира, ученик 5-а класса 272-й школы Володя Сенькин выполнил мою просьбу: в блокнот он записал «все-все» о своем путешествии. А путешествие было и впрямь уникальным: Норвегия, Индия, Китай, Япония...

Почему плакала Анита?

«В Дели мы прилетели ночью. Нас встречали. На каждого надели гирлянду цветов, и мы сели в автобус.

Наш путь лежал по новому Дели, чистому, благоустроенному району с садами... Это был богатый район. Позднее я увидел людей, которые жили

прямо на улице, в палатках. И видел детей, просивших милостыню».

«Девочка плакала. Красивая, спокойная, уравновешенная Анита из Норвегии расплакалась прямо на глазах у премьер-министра Раджива Ганди. Случилось это после того, как она задала свой вопрос:

— Мы встречали голодных детей в Дели. Почему у них нет еды? И когда она у них будет?

Наверное, премьер-министру тоже было невесело. Внимательно оглядев сидевших перед ним детей — делегацию детской Миссии мира, — он ответил:

— Мы надеемся, что к 2000 году у нас не будет нищих.

Сколько еще стран в Азии, Африке, Латинской Америке, подобно Индии, делают муже-

ственные усилия, чтобы избавиться от нищеты. Страны эти, находясь в колониальной зависимости от империалистов, обирались ими в течение веков. И теперь, став на путь свободного развития, они постепенно набирают силу.

Встреча с премьер-министром Индии происходила на лужайке, в саду его резиденции. Глава государства слушал ребят с большим вниманием. А потом сказал:

— Мне понятны ваши заботы о мире. Наша страна делает все, чтобы укрепить мир на земле».

«Моего друга зовут Шень-ше...»

«...А потом мы взобрались на Великую Китайскую стену... Она огромна по своей длине, тянется на тысячи километров по хребтам гор. Высота стены около 11 метров, а ширина — 5—6 метров.

В память об этом событии у меня есть свидетельство, которое выдают каждому, кто туда поднимался...

Вообще же пять дней в Китае были очень насыщенными. Мы побывали в музеях и на аттракционах детского центра в Пекине, смотрели национальную борьбу кун-фу, встретились с ребятами из пекинской школы № 5».

...Мальчика звали Шень-ше. Он смотрел на Володю преданными глазами и улыбался:

— Здравствуйте. Очень приятно познакомиться.

— Что это он на «вы»? — удивился Володя, поскольку слова эти были адресованы ему лично: в школе, куда приехала детская Миссия мира, к каждому «гостю» прикрепili ученика этой школы. Володе «достался» Шень-ше.

Шень-ше изучал русский язык первый год. На английском не говорил вообще. «Как же мы будем понимать друг друга?» — подумал Володя.

Поначалу был обмен улыбками. Потом улыбки начали подкрепляться жестами. Этот своеобразный язык жестов, помноженный на отдельные

русские слова, очень увлек мальчиков.

Перед отъездом из Пекина в одном из столичных парков ребята посадили молодые деревья. В память о своем пребывании здесь. Так что у ленинградца Володи Сенькина в далеком Пекине осталось посаженное им дерево и мальчик по имени Шень-ше, которого Володя считает своим другом.

Журавлики для Садако

«Мы очень расстроились в Японии: премьер-министр Накасонэ отказал нам во встрече. Но потом все об этом забыли — настолько взволновала нас поездка в Хиросиму. Мама Аки Кондо, которая была с нами в этой поездке, пережила весь ужас атомного взрыва сама, когда была совсем маленькой девочкой. Она нас и водила по Хиросиме.

Мне никогда не забыть фильм об августе 1945 года, музей атомной бомбардировки, фотографии обожженных, облученных людей».

Ребята стояли у памятника девочке Садако. Поверье гласило: если сделать тысячу бумажных журавликов, значит, можно выжить. А Садако очень хотела жить. Но доделать своих бумажных журавликов она не успела — умерла от лучевой болезни. Всю поездку Володя Сенькин возил с собой бумажных журавликов, сделанных пионерами 272-й ленинградской школы. И вот сейчас он возложил их к памятнику Садако. Участники детской Миссии мира стояли серьезные, повзрослевшие.

А потом наступил прощальный вечер в Токио. Отсюда ребята разъезжались в свои страны. Это был и грустный и радостный вечер. Грустно было расставаться, а радостно от того, что все очень подружились и, может быть, на всю жизнь.

Т. СКОБЛИКОВА
Фото О. Миронца

К 100-летию со дня рождения
американского журналиста Джона Рида

В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ

К. ВАСИЛЬЕВ

1. ИСПЫТАНИЕ ПОД ОГНЕМ

Джон Рид бывал в сражениях, защищал забастовщиков, переходил нелегально через границы...

— Смелый человек! — скажем мы.

Но как тогда понять вот эти строки из его собственных воспоминаний: «Я был порядочным трусом. Я украдкой перелезал через забор, чтобы избежать встречи с мальчишками, которые, как мне казалось, унижали меня... Я предпочитал прослыть трусом, чем драться с ними».

Речь идет о детстве, которое Джон Рид провел в городе Портленд, что в штате Орегон на западе Соединенных Штатов.

Джон был мал ростом. Он часто болел. В каждом районе Портленда была своя мальчишеская компания, между ними шла постоянная война. Джон входил в компанию Четырнадцатой улицы. Один из мальчишек умел подражать звуку боевого рожка. Он подавал сигнал, через минуту его окружала вся команда, хватала комья земли с ближайшего газона и бросалась с воплями вверх по улице, чтобы дать бой мальчишкам с улицы Монгомери...

И, как признается Джон Рид, еще до начала «сражения» он убегал прочь, испытывая мучительные приступы страха.

Каким же он был на самом деле?

Признаться в собственных слабостях — это уже смелость. Говорить правду — прежде всего о самом себе — на это отваживается только смельчак!

Когда в Мексике началась революция, Джон Рид отправляется туда в качестве корреспондента. Он признается

честно: «Когда я впервые пересек границу, меня охватил леденящий страх. Я боялся смерти, физического уничтожения, чужой страны и чужого народа, чья речь и мысли были непонятны мне».

Но сильнее, чем страх, было желание проверить себя: выстоит ли он под огнем, сможет ли поладить с чужими, занятыми войной людьми?

Он сам поставил себя в опасные условия: провел четыре месяца в революционных войсках генерала Панчо Вильи — среди мексиканцев, настроенных враждебно ко всем американцам, «гринго». Он увидел, что выстрелы не так ужасны, как кажется. Он понял, что страх смерти не столь уж важен. Вот его записи о пребывании в Мексике: «Эти четыре месяца, когда я ехал верхом по пылающим равнинам, спал на голой земле вместе с бедняками, плясал с ними в разоренных асиендах по ночам, проводя весь день в седле, находился с ними бок о бок и на привале и в сражении, стали, наверное, самыми значительными в моей жизни. Я обрел себя. Я писал лучше, чем когда-либо».

2. «Я ВИДЕЛ РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРА»

Летом 1917 года Джон Рид поспешил в Россию. Он предвидел, что в России назревают великие события, ему, как журналисту, будет о чем писать. Но и другое тянуло его в Петроград: он был убежден, что пролетариат должен восстать и отстоять свои права, он понял, что именно в России родится новый мир, который будет богаче, лучше, красивее существующего.

Предчувствия не обманули

его. Он сообщает в Америку из Петрограда: «Мы в самом центре событий, это потрясающе! Если только мне суждено, я опишу все это...»

В среду, 25 октября, был сырой, холодный день. По Невскому шли трамваи — на всех выступающих частях висели пассажиры. Стены домов были покрыты прокламациями, призывами Временного правительства, предостерегающими против восстания. Джон Риду удалось купить уже кем-то прочитанный номер большевистской газеты, где крупными буквами было напечатано: «Вся власть Советам рабочих, солдат и крестьян! — Мира! хлеба! земли!» Сообщалось, что ночью большевики захватили телефонную станцию, Балтийский вокзал и телеграф, арестовано несколько министров, казаки колеблются... На углу Морской улицы Рид встретил меньшевика, который сказал: «Что ж, может быть, большевики и могут захватить власть, но больше трех дней им не удержать ее». Вдруг на улице раздался выстрел, началась перестрелка. Все выходы на Дворцовую площадь охранялись часовыми. К Смольному он подошел в сумерках. Массивный фасад Смольного сверкал огнями. Подъезжали

автомобили, подходили новые и новые люди. Во дворе, под деревьями сада, стояло несколько броневинов. В зале заседаний только что прозвучало заявление Военно-революционного комитета о том, что Временное правительство больше не существует. В зале заседаний на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках сидели представители рабочих и крестьян — со всей России...

Джон Рид с товарищами вышел в холодную ночь. Пользуясь светом редких уличных фонарей, Джон Рид прочитал воззвание: «К гражданам России! Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета...»

На подступах к Зимнему дворцу царя абсолютная тьма...

С этого момента предоставляю слово самому Джону Риду, который подробно и правдиво описал октябрьские события в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир».

«...В глубоком мраке мы рассмотрели темную массу,двигающуюся вперед в молчании, нарушаемом только топотом ног и стуком оружия. Без песен и криков прокатились мы под красной аркой. Выйдя на площадь, мы побежали, низко нагибаясь и прижимаясь друг к другу. При ярком свете, падавшем из всех окон Зимнего дворца, я заметил, что передовые двести-триста человек были все красногвардейцы. Мы вскарабкались на баррикады, сложенные из дров, и, прыгнув вниз, разразились восторженными криками: под нашими ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь. Увлеченные бурной человеческой волной, мы вбежали во дворец через правый подъезд... Здесь стояло множество ящиков. Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вы-

таскивая наружу ковры, гардины, белье... Но, как только начался грабеж, кто-то закричал: «Товарищи! Ничего не трогайте!.. Это народное достояние!» Десятки рук протянулись к расхитителям. Вещи поспешно, кое-как сваливались обратно в ящики, у которых самочинно встали часовые. По коридорам и лестницам были слышны замирающие в отдалении крики: «Революционная дисциплина! Народное достояние!»

Отовсюду раздавались крики: «Всех вон!» Самочинный комитет останавливал каждого выходящего; все, что не могло быть собственностью обыскиваемого, отбиралось... Стали появляться юнкера кучками по три, по четыре человека. Юнкеров обезоружили. «Ну, что, будете еще поднимать оружие против народа?» — спрашивали громкие голоса. «Нет!» — отвечали юнкера один за другим. После этого их отпускали на свободу... В дверях появились солдат и красногвардеец, раздвигая толпу и расчищая дорогу, и позади них еще несколько рабочих, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. За ними гуськом шло с полдюжины штатских, то были члены Временного правительства... Позже мы узнали, что на улице народ хотел расправиться с арестованными самосудом и что даже были выстрелы, но солдаты благополучно доставили их в Петропавловскую крепость...

Картины, статуи, занавеси и ковры огромных парадных апартаментов были не тронуты. В деловых помещениях, наоборот, все письменные столы и бюро были перерыты. Жилые комнаты тоже были обысканы... Наконец, мы попали в малахитовую комнату с золотой отделкой и парчовыми портьерами, где весь последний день и ночь шло непрерывное заседание совета министров. Длинный стол, покрытый зеленым сукном, оставался в том же положении, что и перед самым арестом правительства. Листы бумаги были исписаны отрывками планов

действий, черновыми набросками воззваний и манифестов. Почти все это было зачеркнуто, как будто сами авторы постепенно убеждались во всей безнадежности своих планов... Я взял на память один из этих листков. «Временное правительство,— прочел я,— обращается ко всем классам населения с предложением поддерживать Временное правительство...»

Мы снова вышли в холодную беспокойную ночь. Тротуар под нашими ногами был засыпан штукатуркой, обвалившейся с дворцового карниза, куда ударило два снаряда с «Авроры». Был четвертый час утра. Единственным признаком военных действий были красногвардейцы и солдаты, толпившиеся вокруг костров. Город был спокоен, быть может, спокойнее, чем когда бы то ни было».

3. АМЕРИКАНСКИЙ ВКЛАД В РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Джон Рид сохранил тот листок, что взял на столе в малахитовой комнате. Кроме этого, он собрал в Петрограде полные комплекты «Правды», кучу прокламаций и брошюр. Каждый раз, когда расклеивались новые плакаты, Рид срывал, не задумываясь, один экземпляр для себя: все это пригодится, считал он,— для будущей книги!

И вся эта великолепная коллекция, вместе с записными книжками, была конфискована полицией, когда в апреле 1918 года Рид вернулся в Америку. Он добился, чтобы ему вернули документы. Спрятавшись в нью-йоркской комнатухе от всего света, Джон Рид написал стремительно свою замечательную книгу.

Издатель Ливрайт отпечатал предусмотрительно рукопись в большом количестве экземпляров. Рукопись пошла в набор, тут же явилась полиция и конфисковала ее. Издатель достал из своих тайников второй экземпляр. Его тоже

конфисковали. Он достал третий... Книга все же увидела свет, известна дата этого события: 19 марта 1919 года.

Прочел книгу и Ленин. Вот его отзыв о «Десяти днях»:

«Прочитав с громадным интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое пролетарская диктатура...»

Книга разошлась в Америке, «как горячие пирожки». Для большинства американцев интерес к Советской России, к коммунизму начался именно с «Десяти дней». Для Рида было очень важно, чтобы очередное издание книги вышло с предисловием Ленина. Возвращаясь в Америку после второго визита в Россию, он несет с собой через границу вместе с пропагандистской литературой и этот короткий текст, написанный ленинской рукой. Его арестовывают в Финляндии, когда он в трюме парохода собирается отплыть в Швецию. Конфискуется фальшивый паспорт, брошюры Коминтерна, деньги... исчезает в полицейских архивах и ленинское предисловие. Америка познакомилась с ним только через три года.

Джон Рид провел несколько месяцев в финской тюрьме. Американские власти, казалось, забыли о его существовании. На помощь Риду пришло Советское правительство: в июне 1920 года его обменяли на двух финских контрреволюционеров, арестованных в России.

Джон Рид снова продолжает работу; собирает материалы для новой книги. Книгу написать ему не удалось. В октябре 1920 года Джон Рид умер — от тифа, который свирепствовал тогда в России. Остались за-

писи. Из них самое ценное — о Ленине: «Ленин. Веселый. Облокотился на трибуну. Руки в карманах. Несколько раз посмеивался во время речи...» Еще запись: «Простой суконный костюм, мягкий воротничок, черный галстук. Крепкий, широкоплечий, невысокого роста, веселый». Они с Лениным часто беседовали допоздна, Рид записал: «Сидим у него, и он пододвигается вместе со стулом, пока не коснется тебя коленом: смотрит на тебя этим ужасающе пронизательным взором. Никакой нервности. Быстрые исчерпывающие реплики. Кажется, что он глубоко заинтересован...»

За два месяца до своей смерти Джон Рид побывал в Баку. Ехали на бронепоезде: ведь юг России еще был охвачен гражданской войной. На поезд напали бандиты, завязался бой, красноармейцы бросились в преследование. На разбитой деревенской телеге, которую превратили по-быстрому в тачанку, неся по степи и американский журналист Джон Рид — он оставался самым собой: быть в гуще событий, потом описать эти события, занести их в свою добросовестную летопись! Именно добросовестную, потому что обо всем написанном он мог сказать: я видел это собственными глазами.

...Проститься с Джоном Ридом, несмотря на холод и морозящий дождь, пришли тысячи людей. Катафалк сопровождали красноармейцы, военный оркестр играл похоронный марш. В толпе переговаривались с уважением:

— Хороший был человек. Приехал с другого края земли ради нас. Один из наших.

Наверное, он и не мог умереть по-иному — угаснуть как-нибудь тихо по старости в какой-нибудь мирный, благополучный год. Романтик, журналист неистовой энергии, летописец, запечатлевший рождение нового мира,— он лежит у Кремлевской стены, американец, сыгравший свою роль в великом восстании, в событиях, известных всему миру как Великий Октябрь.

ЛЕТО НЕЗАМЕТНО ДОГОРЕЛО

Марк ВЕЙЦМАН

Лето незаметно догорело.
Нет его

и было ли когда?

Ласковое небо посерело.
Вышвела озябшая вода.

Дождичек стучит по крышам плоским,
ветер по-разбойничьи свистит.
Мать грустна.

И в волосах отцовских
прядь седая холодно блестит...

ОСЕННЯЯ СОБАКА

Сергей МАХОТИН

Вошла в электричку собака,
И двери закрылись за ней.
Она испугалась, однако
Легла у закрытых дверей.

На следующей остановке
Собака сошла на перрон,
Обрывком смоленой веревки
Пугая бывалых ворон.

Она не спешила и даже
Зевнула под мелким дождем.
А поезд отправился дальше
Своим неизменным путем.

Мелькали дома, огороды,
Тяжелые гроздья рябин...
— Собака хорошей породы! —
Заметил один гражданин.

— Собаки... Тут ездить нельзя им, —
Второй недовольно сказал.
А третий подумал: «Хозяин
С собой ее в город не взял...»

ВЕЧЕРНИЙ ТРАМВАЙ

Инна ГАМАЗКОВА

Холодно на улице,
Ветрено, темно.

Неуютно старому трамваю.

— Нн-на-рисуй мне что-нн-нибудь! —

Дребезжит окно.

Я его, конечно, понимаю.

Нарисую рожицу.

А вокруг — лучи.

— Нравится? — спрошу я у трамвая.

Он, сияя стеклами,

Весело помчит,

Улицу лучами согревая.

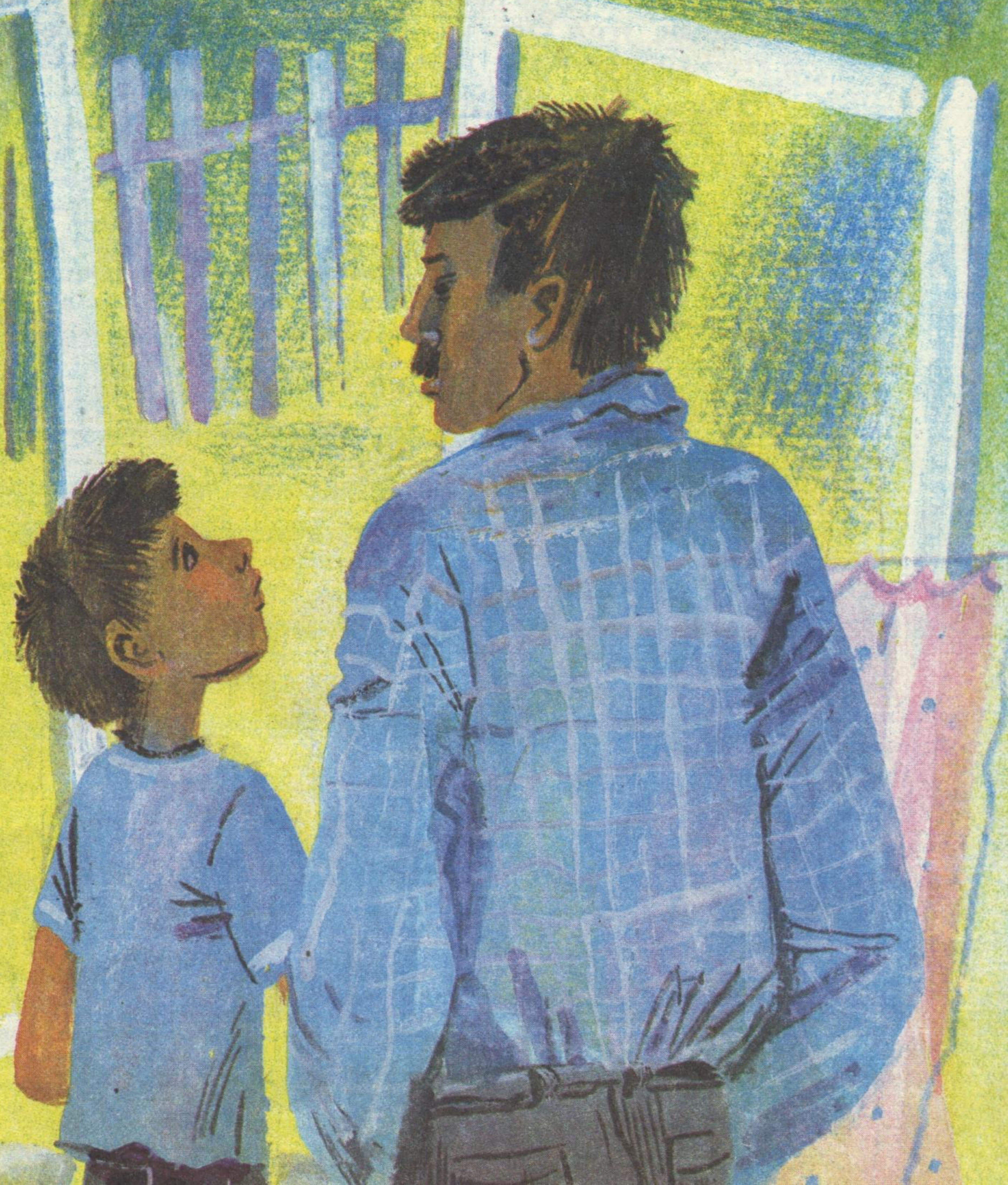
A stylized illustration of a grey wolf with a black collar, walking through a forest. The trees are painted in shades of blue, green, and yellow, with some leaves visible. The wolf is looking towards the left.

ГДЕ ВОДИТСЯ ВОЛК

Л. ФАДЕЕВА

Где водится волк?
Мне подумалось вдруг.
Где водится волк?
Он отбился от рук!
Волк водится в мультике,
Водится в сказке,
Он водится
В тоненькой книжке-раскраске,
И даже
Ко мне на футболку залез!
Совсем позабыл
Про дремучий свой лес,
Про елку большую...
И тут я замолк:
Ведь где-то 'же есть
И ВЗАПРАВДАШНИЙ волк!
Он, кажется, серый,
И голоден очень.
А мы все хохочем над ним
И хохочем...

Рисунки О. Филипенко

A stylized illustration of a man with a mustache and a young boy standing in front of a wooden fence. The man is wearing a blue plaid shirt and the boy is wearing a blue t-shirt. They are both looking at each other.

ДЯДЯ ЖЕНЯ

Григорий КРУЖКОВ

— Пойдем кратчайшим, дядя Жень?
— Кратчайшим — это как?
— Через окно, через плетень
И вниз — через овраг!

— А нет дороги поверней,
Чтоб в дверь да по мосту?
— Есть, дядя Жень, зато длинней
На целую версту!

— А этот твой кратчайший путь —
Опасный, может быть?
Нельзя там ногу подвернуть,
В болото угодить?

— Да нет, не бойтесь, дядя Жень!
— Ну ладно, решено!
По правде, я и сам из тех,
Что прыгают в окно.

БАНКА СГУЩЕННОГО МОЛОКА

Однажды в руки мне попала удивительная книга — «Час Ленина в школе». В ней собраны рассказы мальчишек и девчонок о встречах с Владимиром Ильичем. На обложке значилось: «Книга для чтения в трудовой школе 1-й ступени. Москва — 1924».

Невольно подумалось, как повезло этим мальчишкам и девчонкам и как повезло мне — журналисту, у которого в руках такое сокровище. Тогда и родилась мысль: найти авторов книги. Для этого самые интересные рассказы я переписал в блокнот. Был среди них и такой — «Как я был у Ленина».

«Я хочу рассказать один из случаев отношения тов. Ленина к нам, ребятам. Это было в 1921 году, весной, мне было 12 лет. Я случайно попал на собрание в Наркомпрос, который в то время был на Крымской площади, угол Остоженки. На этом собрании выступал тов. Ленин. После собрания все стали расходиться, и тов. Ленин сел в приготовленный для него автомобиль с несколькими товарищами, в числе которых была тов. Сафоно-

ва. Так как я должен был ночевать у тов. Сафоновой в Кремле, то и мне сказали, чтобы я влезал в автомобиль. Я вошел и стал у левого бока автомобиля, так как мест для сидения уже не было. Тов. Ленин увидел, что я стою, заговорил со мной и взял меня к себе на колени. Когда кто-то вышел, меня посадили на это место, и под качку я заснул.

Когда приехали в Кремль, меня разбудили и позвали к Надежде Константиновне, где жил и тов. Ленин в небольшой квартире. Я был голоден, и Надежда Константиновна напоила меня чаем, разыскала банку сгущенного молока и отдала мне. Потом я пошел спать к тов. Сафоновой».

Под рассказом стояла подпись — Миша Павлов.

И вот через несколько лет — встреча с Михаилом Сергеевичем Павловым, счастливая возможность «заглянуть в историю», неожиданные подробности и дополнения.

— Итак, — весело говорит собеседник, — вы пришли ко мне как к автору рассказа о вожде революции. Если быть точным, он был тогда напе-

чатан не в одной, а сразу в двух книгах — «Дети о Ленине» и «Час Ленина в школе», которую вы читали. Но — весь фокус в том, что рассказа я не писал. — И, заметив на моем лице недоумение, добавляет: — Да, да, не писал. Во-первых, в ту пору я был такой грамотей, что никогда бы на это не отважился. А во-вторых, все было по-другому.

Я не понимаю, что значит «по-другому» и почему веселые искорки тают в глазах собеседника.

— В 1923 году я жил в Москве на Поварской улице, в детском доме № 512. И к нам в детский дом — кажется, весной, в апреле или в мае — пришел человек. Сказал, что он — журналист, собирает стихи, рисунки и сочинения ребят о Владимире Ильиче. И тут кто-то из наших детдомовцев возмутился: зачем сочинять, если у нас есть Мишка, который с Лениным в автомобиле ездил? Короче, меня тут же нашли и привели к этому дяденьке. Спрашивает: «Правда, что ребятам о Ленине рассказывал?» Отвечаю: «Правда, можете спросить у Надежды

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие ПАВЛОВУ Михайлу в том, что он направляется Петроградским Центральным Карантино-Распределительным Детским Пунктом в гор. Москву, в распоряжение Совета Защиты Детей.

Павлов Михаил был зачислен на довольствие по общему списку / без карточки / и с 5-го Апреля с/г. снят с довольствия, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Заведующий Пунктом
Делопроизводитель

А. Степанов
У. Либе

Константиновны Крупской или у товарища Сафоновой». Тогда он взял меня за руку, отвел в пустое помещение и говорит: «Рассказывай с самого начала и до конца. Все, что помнишь, я буду записывать. А в окно не смотри, все равно не отпущу, пока не расскажешь».

В общем, так я и стал автором рассказа. И, конечно, думать не думал, что его напечатают. А когда напечатали, страшно обиделся на того дяденьку. Я же ему не говорил, что «под качку я заснул». Такого не было и быть не могло. Судите сами, ехать в машине с Лениным и вдруг непонятно почему заснуть.

Да и ехать от Остоженки до Кремля минут двадцать-тридцать, не больше.

Но это еще не самое обидное. В рассказе напечатано, что я, как сонная тетеря, напившись чая, тут же отправился спать. Но это — неправда. И вообще — все было иначе. После совещания в Наркомпросе Владимир Ильич пригласил ряд товарищей провести Надежду Константиновну Крупскую, она в тот день плохо себя чувствовала. Я стоял рядом, услышав приглашение, громко заявил: «И я поеду». На меня зашикали: «Нельзя вмешиваться в разговор взрослых». Но Владимир Ильич сказал: «А почему бы и нет, пусть едет». А когда мы приехали, за столом начался разговор. Во время разговора Надежда Константиновна отозвала меня в другую комнату, достала банку сгущенки и сказала: «Ешь!»

И, знаете, я съел целую банку. А потом, даже не поблагодарив за угощение, пошел гулять. Ничего этого в моем рассказе нет. Почему? Видимо, дяденька-журналист решил меня отредактировать. Я действительно вел себя очень невоспитанно: съел всю сгущенку, не сказал «спасибо», ушел, не попрощавшись. Но мог ли я вести себя по-другому? Я же был самый настоящий беспризорник! Жил то в одном детском доме, то в другом. А если надоедало, то у одних, то у других знакомых

и незнакомых людей. Или мотался в поездах из одного города в другой, на крышах вагонов и в ящиках под вагонами, с точно такими же бедолагами, у которых ни дома, ни родителей.

— Ваши родители умерли или погибли на фронте?

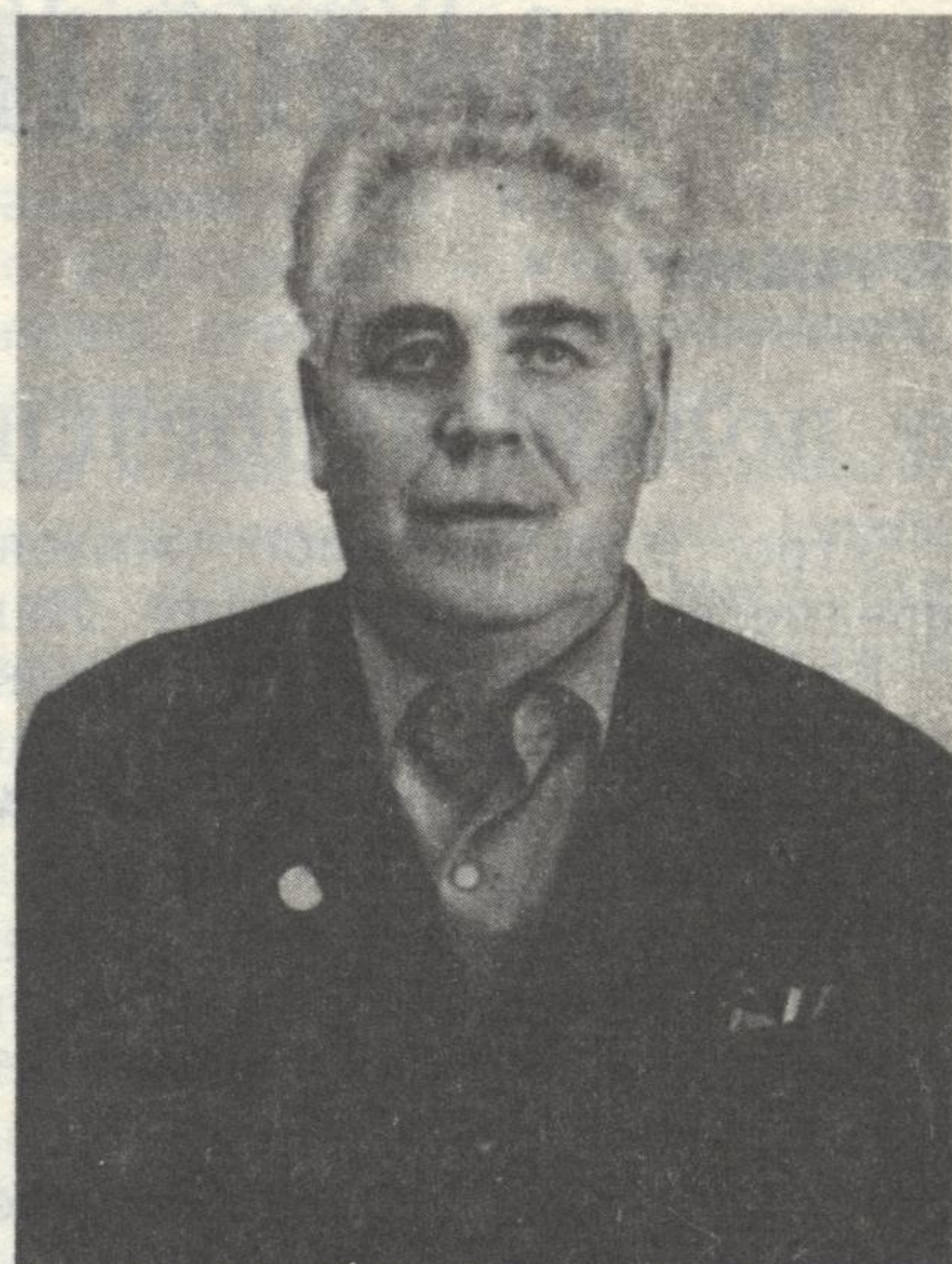
— Нет, тогда они были живы. Но так получилось, что во время гражданской войны сперва папа, а потом и мама ушли на фронт, оставив меня на попечение соседей. Мама, Вера Христофоровна Покровская, была комиссаром фронтового санитарного поезда. А папа — папой я называю своего отчима Сергея Павловича Павлова — был комиссаром путей сообщения Южного фронта. Это было такое время, которое сейчас многие не понимают. Простой пример. После революции мы жили в коммунальной квартире. Рядом в комнате — соседка с двумя маленькими детьми. Ее муж погиб. И мама каждый месяц отдавала ей половину своей зарплаты, чтобы та не бедствовала. Если бы зарплата была большая — понятно. Но в том-то и дело, что она была маленькая. В то время моя мама работала ретушером в фотографии.

— Скажите, а кто такая товарищ Сафонова, у которой вы жили в Кремле?

— К сожалению, я уже не помню ее имени-отчества, но именно ей обязан своей встречей с Владимиром Ильичем Лениным. Сафонова работала вместе с Надеждой Константиновной, в Наркомпросе. Эта добрая женщина хотела меня усыновить. Не знаю почему, но усыновить меня хотели многие. Но я отвечал: «Не хочу быть ничьей собственностью». Этаким анархист-максималист, не правда ли?

Мы сидим в скверике на Октябрьской площади столицы. Возле нас играют дети, торопятся по дорожкам прохожие, шумят, сверкая на солнце, струи фонтана.

— Ну, вот, пожалуй, и все, — говорит Михаил Сергеевич. — Вам не кажется, что познакомились с одним из мамонтов,

который неожиданно-негаданно очутился в Москве и греется рядом с вами на майском солнышке? Мне порой самому кажется мое детство фантастикой. Да и вся моя последующая жизнь. Где только не был и чем только не занимался: юнга крейсера «Урал», работник райкома комсомола, кремлевский курсант, директор учебного комбината, двадцатипяти тысячник (так называли коммунистов, которые ехали из городов в деревни организовывать колхозы), заместитель директора МТС, и, наконец, директор большого станкостроительного завода. А теперь, когда на пенсии, все чаще ловлю себя на мысли: а может, я не зря съел ту банку сгущенки в квартире Ленина?

Потом мы идем на трамвайную остановку. Остановка рядом, но пока мы до нее добираемся, нас успели обогнать десятки людей. И никто из них не знает, что этот седенький старичок с веселыми глазами и бородкой клинышком — это тот самый мальчик, который ехал в автомобиле с вождем революции.

Подожел трамвай. Михаил Сергеевич машет рукой из окна вагона и что-то говорит. Что? Я не слышу.

В. ВЕРХОВСКИЙ

В КАНДИ ВЕРХОМ НА СЛОНЕ

В. РЫБИН

Рисунки Г. Лавренко

О ПОЛЬЗЕ ИСПОРЧЕННЫХ ЧАСОВ

Утро. 9.00, Негомбо, живописный городок в предместье столицы Шри Ланки — Коломбо.

Едва разместились в гостинице, как один за другим потянулись к океану. Еще бы не потянуться — вот он, теплый Индийский океан, о котором мы знали только из учебников. Плещется, лениво перекатывает тяжелые изумрудные волны.

...Ноги уносят меня все дальше и дальше. Вот уже только реклама нашей гостиницы пламенеет на крыше: «Си Гарден» — «Морской Сад», а сама гостиница скрылась с глаз. А вот и надпись растворилась среди крыш, рекламных щитов и мете-лок пальм. Ноги влекут меня все дальше от гостиницы: рыбацкий катамаран, подобрав паруса, причаливает к берегу.

Рыбаки, заметив меня, дружески улыбаются. Их двое. Молодые, парни лет двадцати. Гибкие. Мускулистые. Один выбирает сети из катамарана, другой свертывает парус.

Неожиданно резкий порыв ветра вырывает парус из рук рыбака, швыряет в океан. Рыбак оказывается под парусом.

— И-ях-х! — озадаченно вскрикивает напарник и в растерянности замирает, нагнувшись над сетью.

Крик его еще не успел заглушить ветер, как я с разбегу бросился в воду...

Потом рыбаки долго смеялись надо мной. Дру-

жески, правда, смеялись, по-хорошему. И что-то говорили на своем языке. Наверно, говорили: зря, парень, бросился ты нас спасать. Не тот случай, когда надо было спасать. Мы, как рыбы. Не утонем!

Я тоже смеялся. Мне было хорошо в их компании. Вот только одежда липла к телу. Впрочем, у меня же час в запасе! За час под таким солнцем сто раз можно обсохнуть!

Я и обсыхал. А между делом изучал улов рыбаков. Особенно меня поразила акула. Акула беззвучно открывала пасть, обнажая зубы.

Взглянув на часы, я изумился: 9.30!

Не попрощавшись с рыбаками, помчался к гостинице. Влажная рубашка и брюки — на плече, ботинки — в руках. Непросто бежать по песку, да еще с таким грузом. Все же добежал, кажется, быстро. Влетел в гостиницу... мои товарищи уже уехали. Куда? В Канди. Автобус ушел...

Настроение ужасное: Канди — древняя столица Шри Ланки — говорят, удивительный город.

ТРАНСПОРТ В ОДНУ СЛОНОВЬЮ СИЛУ

Но администратор «Си Гарден», прибежав ко мне в номер часом спустя, обрадовал:

— Есть! Есть для вас транспорт в одну слоновью силу! — прямо с порога обрушил на меня

цветистую тираду английских слов. — Замечательное животное по имени Хабуб. А его хозяина зовут Нагендран. Он с сыном здесь, Хавалом... Такой мальчик, лет двенадцати... — администратор провел ладонью по груди, намекая, видимо, на рост неведомого мне мальчика. — Нагендран с сыном погонят слона в Канди... Слон, разумеется, прирученный...

Выпалив все это, администратор как-то сразу обмяк, будто проколотый мяч, и принялся вытирать потное лицо платком. Ему было лет пятьдесят.

— Значит, вы советуете отправиться в Канди верхом на слоне?

Администратор отчаянно закивал.

— Да, да, мистер Виктор. Конечно, слоновья спина не роскошное кресло в люкс-автобусе. Но все же это транспорт, и вы побываете-таки в Канди. Завтра будете на месте!

Он бил наверняка. В Канди я готов был лететь хоть в ступе Бабы Яги.

ЭКИПАЖ

Нельзя сказать, что я не общался со слонами прежде — в зоопарке, например, общался. Однако когда Хабуб предстал перед моими глазами, я оробел. Слон же качнул ушами и ощупал меня хоботом.

Преодолевая страх перед огромными клыками Хабуба, я протянул ему яблоко. Слон подхватил яблоко и сунул его в рот.

Нагендран, худощавый высокий мужчина с жесткой курчавой шевелюрой и батошкой погонщика в руке — палкой с острым крючком на конце, одобительно кивнул.

В отличие от своего отца, медлительного, немногословного, Хавал беспрестанно сыпал словами, перемежая английскую речь с сингальской.

Несколько минут заняли приготовления в дороге, из которых главным было крепление попоны-накидки на спине Хабуба. На попоне предстояло разместиться нам всем троим.

Условными ударами батожка Нагендран приказал Хабубу присесть. Мы вскарабкались ему на спину и в следующее мгновение взмыли на трехметровую высоту. Нагендран что-то крикнул, и мы тронулись в путь.

ЧТО ГЛАВНОЕ В ЕЗДЕ НА СЛОНЕ?

Когда меня спрашивали после, на что похожа езда на слоне, что напоминает и какое чувство навеивает, я неизменно отвечал: вскарабкайтесь на дерево и медленно раскачивайте его.

На самом же деле в полной мере все удовольствия и трудности путешествия на слоне таким образом, конечно же, не представишь. Несмотря на множество удовольствий, какие приносит такая поездка, есть и неудобства. Да вот хотя бы — как расположиться на слоновьей спине?

Сначала я сидел на коленях. Потом, по примеру Хавала, сложил ноги по-турецки. Потом... потом, как только не сидел!

А вот Нагендран с сыном видимых неудобств по этой части не испытывали. Нагендран, впрочем, больше шагал рядом со слонем, направляя батожком его движение. Чтобы размять затекшие ноги, я иногда тоже соскальзывал на землю и метров триста-четыре шел рядом. Потом Нагендран «приземлял» Хабуба, и я снова взмывал на трехметровую высоту...

Но все эти неудобства с лихвой компенсировал чудесный вид, открывающийся с высоты слоновьего хребта. Удивительное дело — стоишь чуть приподнявшись над землей, и ты открываешь для себя много того, чего не замечал ранее. Поэтому примерно на пятом километре пути я пришел к выводу, что главное в езде на слоне — не обращать внимания на неудобства.

ТАНЕЦ НА РИСОВЫХ СНОПАХ

Дорога, попетляв среди отвесных скал, спустилась в зеленую долину, изрезанную ровными квадратами рисовых полей — чеков. На полях крестьяне убирали урожай.

Рис для ланкийцев — такой же незаменимый продукт, как для европейца хлеб. Потому они так бережно, почтительно относятся к нему. Немало пота сойдет с крестьянина, пока он соберет с крохотного надела урожай. Ведь все, от подготовки поля и заготовки рассады до обмолота созревших колосьев, приходится делать вручную, по старинке. И не скоро еще придут сюда машины. Во-первых, на маленьких крестьянских клочках не очень-то развернется трактор. А во-вторых, разве по силам его купить одной крестьянской семье? Вот и остаются главными крестьянскими помощниками мотыга, серп да вол с деревянной сохой.

Любуясь квадратиками рисовых чеков, я вдруг заметил, что метров на сто впереди на шоссе аккуратно разложены рисовые снопы. Такое впечатление, что крестьяне перегородили снопами дорогу в надежде остановить движение. Я даже невольно привстал, обозревая этот странный заслон. Хавал, заметив мое удивление, пояснил:

— Снопы кладут на шоссе, чтобы обмолотить. Автомобили едут и своими колесами выбивают зерна из колосьев. Люди идут — тоже выбивают... Крестьяне потом стебли убирают, а зерна сметают в корзины. Женщины это зерно веют... — Хавал ухватил меня за руку и радостно подытожил: — Да вон, смотрите, вон там...

У кромки одного из рисовых полей две женщины веяли зерно. Они набирали его в плоские, похожие на огромные блюда корзины, а потом встряхивали. Ветер уносил пыль, шелуху, стебли, очищая зерно. Тут же лежала копна рисовой соломы. Из соломы крестьяне делают много нужных в хозяйстве вещей.

Между тем Хабуб вступил на снопы. И тут... началось! Резкими протяжными криками и щелчками батожка Нагендран стал водить Хабуба взад-вперед, заставляя то круто разворачиваться на месте, то трусить и даже, как мне показалось, подсакивать.

Танец Хабуба длился недолго, но он успел изрядно потоптать снопы. Я, конечно же, догадался, к чему Нагендран устроил этот аттракцион. Одно дело — промчится по снопам какая-нибудь малолитражка, другое — многопудовые ноги слона. Удивило, с каким уважением отнесся Нагендран к тяжелому крестьянскому труду, как легко и непринужденно помог незнакомым людям... Замкнутый, даже угрюмый с виду мой проводник.

НОЧЬ

Представьте себе такую картину. Сумерки. Вы едете по какой-нибудь оживленной магистрали, ну, скажем, Москва — Ленинград. И вдруг замечаете на обочине костер, дымящийся котелок и спящего человека... Мимо снуют прохожие, неясными очертаниями проглядывают дома, огорды, где-то лают собаки и мычат коровы... Удивились бы спящему человеку у костра? Конечно.

В Шри Ланке таким сценкам не удивляются. На нас мало кто обратил внимание, когда мы расположились на ночлег прямо под открытым небом

на пятидесятом километре автостреды Коломбо — Канди. Нас обступали вечнозеленые баньяны, пальмы, увитые лианами и диким плющом, цветущие магнолии. Мимо шуршали шинами автомобили, небойкое эхо разносило окрест женские голоса и позвякивание посуды — где-то рядом жили и еще не спали люди...

У костерка сидит Нагендран, помешивает угли своим батожком, о чем-то думает. Я не мешаю ему, хотя и хочется узнать, отчего он не спит. Хавал давно посапывает, свернувшись калачиком. Хабуб со свистом вздыхает и беспрерывно жует листья баньяна. На фоне чернильного неба он кажется скалой, одной из тех скал, что угрожающе высятся на крутых поворотах автостреды.

Звездное небо. Только на южных широтах бывает оно так обильно звездами. Вон Южный Крест, воспетый в песнях и стихах многих народов. Вон Млечный Путь — будто поток золотого песка... Холодное, красивое небо!.. Совсем по-другому на земле. Здесь тепло, здесь море запахов и звуков, уютно и спокойно, не чувствуешь себя одиноким в огромном многообразии жизни, которая ночью здесь кажется даже более кипучей, нежели днем...

В траве у моих ног что-то зашуршало. Я вскопчил, мгновенно вспомнив, что лежу не на восьмом этаже московской квартиры, а под баньяном, на неведомой мне земле.

Нагендран взглянул в мою сторону.

— Там кто-то... — испуганно прошептал я и кивнул перед собой. — Может, змея?..

Нагендран успокоил:

— Ящерица. Змеи не может быть.

— Почему не может?

— Слон рядом. Где слон, змей нет.

Я не понял, в шутку или всерьез он сказал, и наверно бы не успокоился, если бы у ног моих что-то снова не зашуршало — в следующее мгновение к костру юркнула... ящерица. Она вскинула голову и снова скрылась в темноте.

Я лег на полог, заботливо разостланный Нагендраном. Мне было стыдно за свой страх. Я еще не мог свыкнуться с мыслью, что с такими опекунами, как Нагендран, Хавал и Хабуб, могу себя чувствовать в совершенной безопасности.

ПИТОН

Этого парня мы встретили при въезде в деревушку Читмахари...

Увидев меня на слоне, парень, видимо, подумал, что какой-нибудь богатый янки совершает по своей прихоти таким манером путешествие по острову. А потому решил во что бы то ни стало заработать — бежал за нами с километр, предлагая «поиграть» с... огромной змеей — питоном, которого он нес, обмотав вокруг плеч. В руке его был еще мешок. И добился своего. Я слез со слона и принял из рук заклинателя змею.

— Не бойтесь, мистер Виктор, он не укусит! — успокаивает меня Хавал. Хавал волчком вертится вокруг меня, норовя заглянуть питону в пасть.

Я через силу улыбаюсь, хотя в голову лезут мысли — одна страшнее другой...

— Да вы по носу его ударьте, — наставляет меня Хавал, — чтобы он не тыкался вам в лицо...

Я пробую поднять руку и не могу. Чувствую, как питон вдруг начинает меня крепко сжимать. Вот он сдавил мне руки — точно канатом прикрутил к туловищу...

— Эй, хозяин, заberi свою змеюку! — от волнения я заговорил по-русски.

Мой голос напугал Нагендрана. А может, лицо мое напугало. Он подскочил к заклинателю и начал что-то сердито ему выговаривать.

Парень тут же сдернул с меня питона и как-то ловко, в одно движение, упрятал его в мешок. При этом он что-то горячо объяснял.

— Что он говорит? — спросил я Нагендрана.

— Он говорит, что питон голоден. Денег не было покормить его, говорит. Сейчас, говорит, мы заплатили — есть деньги! Пойдет кормить питона, говорит. И сам, говорит, поест...

В НЕБО ЗА КОКОСОВЫМИ ОРЕХАМИ

ВСЕГО ЗА 10 РУПИЙ ВКУСНЫЙ ОРЕХ И ВОСХИТИТЕЛЬНОЕ ЗРЕЛИЩЕ!

Такое объявление я заметил на заборчике крестьянского двора у моста через реку Махавели. Объявление было написано от руки на английском и сингальском языках.

Во дворе росло несколько кокосовых пальм. Под веерами огромными зелеными гроздьями висели кокосовые орехи.

Я попросил Нагендрана остановиться у объявления, пытаюсь представить, какое же зрелище может ожидать здесь путника. Тотчас из бедной хижины в глубине двора, окруженной вечнозеленым кустарником бугенвиллеей, выскочила босоногая немолодая женщина. На ней было старенькое, выцветшее от времени платье с длинными рукавами, которое в Шри Ланке называют куртой, и сальваркамис — узкие шаровары. Женщина принялась что-то бойко объяснять мне.

— Она говорит, что за десять рупий ее сын сорвет любой из кокосовых орехов, какой вы укажете... — перевел Нагендран.

Значит, вот какое зрелище обещало объявление. Но как можно забраться по голому стволу пальмы на двадцатипятиметровую высоту?

Из хижины вышел худенький мальчик, ровесник Хавала. Из одежды на нем были только ветхие шорты.

Он вытащил из-под куста магнолии банку с какой-то белой жидкостью, ловко растер ею ладони и подошел к одной из кокосовых пальм...

Все последующее походило на сон. Мальчик подмигнул мне, обхватил пальму руками и ногами и стал спокойно, вроде бы даже играючи, взбираться все выше и выше. При этом ноги и руки его работали так безукоризненно согласованно, что казалось — это карабкается робот, а не человек.

Не прошло и пяти минут, как мальчик был на

верхушке пальмы. А вот и кокосовый орех летит на землю!..

Мне не терпелось узнать, чем смазал себе ладони мальчик. В этой загадочной жидкости я видел секрет потрясающего восхождения юного верхолаза. Выяснилось, что жидкость в банке — самодельный клей. Таким клеем мальчик делал руки липучими. Причем когда клей высыхал, на руках оставался белый мучнистый налет. Налет не позволял рукам скользить.

Этот удивительный клей замешан на соке гевеи, каучуконосного дерева.

...Сок кокосового ореха мы пили поочередно.

— А что, обязательно надо смазывать ладони клеем? — полюбопытствовал я.

— Другие, может, и не смазывают, а я смазываю. Семья наша — шесть человек, а кормилец только один я. Я да эти пальмы.

Мальчик говорил и улыбался. Но в словах его я не почувствовал радости. И грустно мне сделалось при мысли, сколько мальчишек в Шри Ланке еще вынуждены зарабатывать на жизнь.

КАНДИ

Канди появился неожиданно. Дорога петляла-петляла, с каждым километром закручиваясь в серпантин и пугая крутизной, а потом вдруг распрямилась и широкой, сверкающей на солнце лентой вползла в долину.

Среди вечнозеленых бамбуков, олеандров, орхидей, баньянов красными заплатками замечались черепичные крыши. С каждым метром таких заплаток становилось все больше и больше. И вот с высоты последнего перевала открылась изумительная панорама древней столицы Шри Ланки.

Хабуб, будто почувствовав конец нашего путешествия, поднял хобот над головой и протрубил: у-ух-х!

— Храм зуба Будды! — Нагендран показал прямо перед собой батожком. — На берегу озера, вон тот... Белые стены, белые башенки... Белые, как шапка Будды...

Напрасно он пояснял. Я давно заметил знаменитый храм. Еще бы не заметить, когда на площади перед ним рядками выстроились туристские автобусы, а в толпах туристов золотыми зайчиками сновали монахи в желтых одеяниях. И непонятно было, кого больше — монахов или туристов.

— Кажется, возле храма и ваш автобус, — зоркий Нагендран приставил ладонь козырьком ко лбу и обшарил взглядом храмовую площадь. — Ваш, с голубой крышей...

— Тогда вперед! — повеселел я.

ДЕРЕВО ГАГАРИНА

Мы со слоном прошагали по улицам Канди с полкилометра. И тут Нагендран легким щелчком батожка остановил Хабуба у красочного щита с надписью:

БОТАНИЧЕСКИЙ САД КАНДИ

— В Канди две жемчужины — этот сад и храм зуба Будды, — сказал Нагендран по обыкновению своим равнодушным тоном. — И то и другое стоит посмотреть.

Я растерянно огляделся. Уж если немногословный и невозмутимый Нагендран советует загля-

нуть в здешний ботанический сад, значит, зрелище действительно уникальное. Но как же автобус? Группа?

— Идемте, мистер Виктор, — оживился Хавал, заметив мою нерешительность. — Там деревья со всего света! Там самый большой в мире баньян! Там растут капустные пальмы — слышали о таких? Листья на вкус как капуста — замечательные листья! — Хавал причмокнул и восторженно мотнул головой.

— Но автобус... — напомнил я.

— Они еще два часа будут в храме. За два часа успеете и сад посмотреть, и до храма добраться...

— Может, и в самом деле заглянуть в сад... — заколебался я.

— Конечно,— радостно затараторил Хавал.— А разве вам не хочется посмотреть на дерево Гагарина?!

Не берусь описывать ботанический сад Канди. Целой книги заслуживает удивительнейшее это явление на цейлонской земле! Каждый кусочек сада, каждое дерево, каждый цветок достоин не одной страницы, потому что имеет свою историю. Но есть здесь уголок, который неизменно посещают и туристы, и жители Шри Ланки. В северной части сада двумя крыльями разлетелись аллеи, посаженные известными всему миру людьми. Короли и императоры, ученые и государственные деятели, писатели и артисты высаживали в разное время олеандры, баньяны, савойи, пальмы, увековечивая тем самым свое посещение здешних мест. Некоторым деревьям уже за сто лет, другие только набирают силу.

В декабре 1961 года в Шри Ланке гостил Юрий Алексеевич Гагарин. Приезжал он и в Канди. В ботаническом саду первый космонавт Земли посадил кустик сараки тайпинской.

— Мой отец тогда был мальчиком,— сказал Хавал, когда мы дошли наконец до дерева Гагарина.— Он не смог пробраться сюда и увидеть, как Юрий Гагарин сажал сараку. Но он видел Гагарина на улицах Канди... — И он сделал жест почтения «анджали» — сложил у груди ладонь к ладони, поклонился деревцу.

Я вглядываюсь в вечнозеленую сараку, чувствую терпкий, чуть сладковатый аромат ее и мысленно представляю, как четверть века назад Юрий Алексеевич Гагарин бродил по этому удивительному саду, вдыхал ароматы здешних диковинных цветов и деревьев, как выбирал место для своего деревца... Дерево Гагарина... Сколько священных реликвий связано с первым космонавтом Земли! И вот еще одна, за тысячи километров от России...

ВСТРЕЧА И РАССТАВАНИЕ

Если бы зуб Будды вдруг украли, мои друзья-туристы меньше бы удивились, чем при виде меня, подъезжающего на слоне к храму. Ну, а для меня занятная была картина — наблюдать с высоты слоновьего хребта, как вытягивались от изумления их лица...

Я не знаю, сколько длились восторженно-завистливые: «Ну и Виктор Александрович! Повезло же вам! На слоне прокатился!..», но раздались призывные удары гонга. Суетливо напирая друг на друга, мы устремились в храм.

Я пожал руку Нагендрану и Хавалу, припал щекой к шершавому хоботу Хабуба. Слон дунул на меня и фыркнул, что, видимо, означало у него подбадривающее «не унывай!». А потом шумно вздохнул. Наверно, вспомнил яблоко.

Самый тяжелый момент в любом путешествии — расставание с друзьями. Недолгим был наш переход, а как сблизил нас, сдружил...

Уловив грустные мои мысли, Хавал тронул меня за рукав, улыбнулся:

— Приезжайте к нам еще. И обязательно в Канди. Сходим в джунгли!

Чем черт не шутит! Сколько в мире удивительного! Да вот хотя бы это путешествие... И верится: встречу со своими друзьями, поброжу еще по этой замечательной земле!

СТРАЖИ ЗУБА БУДДЫ

Храм зуба Будды оказался вместительным строением. Этакая каменная машина. Зуб Будды — святыня цейлонских монахов. Его хранит объемный ларец из пуленепробиваемого стекла, четыре стражника. Стражники — обнаженные по пояс подростки лет четырнадцати-пятнадцати, в красных шальварах и белых чалмах. В руках у трех — барабаны, у четвертого — рожок. Под заунывный наигрыш рожка стражники колотят в барабаны, оглашая храм трескучим, навевающим на посетителей робость перезвоном.

Стражники менялись каждый час. Вместе с ними менялся и монах, читающий молитву.

Подошла наша очередь взглянуть на зуб Будды, и гид повел нашу цепочку мимо стражей к огромному постаменту в центре зала, сделанному в виде гробницы. Поднимаемся на постамент. Шаг, другой, третий... Вот и зуб Будды на бархатной подушечке. Подлинный? А почему бы нет? Ведь Будда является на землю и в облике животных, и в облике людей — так учит буддизм...

Фотографировать нельзя. Задерживаться у зуба нельзя. Шаг, другой, третий... Ларец с буддистской реликвией за спиной. Перед глазами резные перильца постамента и юные стражники...

По-детски милые, забавные лица. Суровость, какую пробуют напустить на себя стражники, явно не в их характере. Вот один, заметив необычайно высокого туриста-англичанина с длинной рыжей бородой, улыбнулся. И сколько ни глотал потом улыбку, так и не смог «посуроветь». А другой, с родинкой на щеке, во все глаза рассматривает белокурую датчанку, свою ровесницу...

Обратная дорога из Канди в Негомбо заняла всего три часа. Три часа я не отрывался от окна автобуса. Каждый поворот, каждый дорожный знак, каждая деревенька казались мне настолько знакомыми, будто прожил я в этих местах не один год. Удивительное чувство! Недаром в Шри Ланке говорят: хочешь лучше узнать незнакомую землю, окропи ее собственным потом.

...На въезде в Негомбо водитель нашего автобуса притормозил: пара слонов волоком перетаскивала через шоссе огромные стволы деревьев. Погонщик, молодой черноусый парень, лениво подгонял слонов и что-то пел.

Я прислушался и узнал песню погонщиков слонов. Днем раньше ее пели Нагендран с сыном.

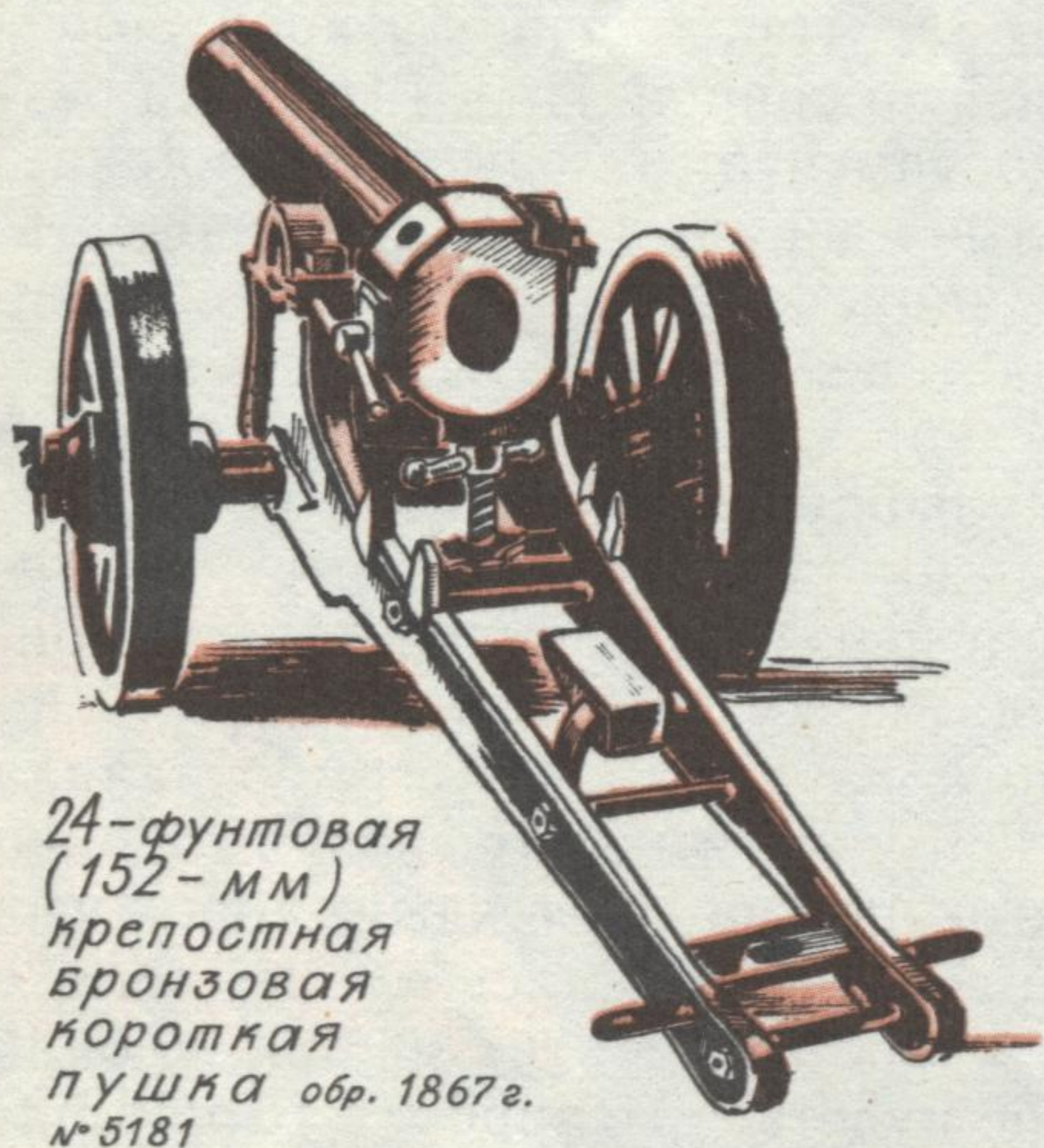
Остров, обласканный солнцем!
Я плыву над тобой, будто бабочка,
Я вдыхаю твой сладкий аромат,
Я люблюсь изумрудным небом
И думаю, как прекрасна жизнь,
Когда у меня есть такой славный помощник — слон.
Земля моя —
Остров, обласканный солнцем!

СЕРДЦЕМ

В этих маленьких отрывках, ребята, вы прочитаете о следопытской работе своих сверстников, ведущих поиски материалов о жизни и деятельности В. И. Ленина. Эти статьи и очерки были опубликованы в «Костре» в разные годы, и если они заинтересуют вас, возьмите в библиотеке старые подшивки журнала и прочтите их — вам откроются новые страницы жизни великого вождя революции...

Восьмое большое путешествие «Костра». Юные «искровцы», сотрудники журнала отправились в плавание по заданию Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Их путь лежал через Горький, Казань, Ульяновск, Куйбышев, Астрахань, Баку. Путешественники искали документы о деятельности В. И. Ленина, Н. К. Крупской, их соратников, о борьбе за создание нелегальной газеты «Искра».

«Костер» № 4, 1970 г.

24-фунтовая
(152-мм)
крепостная
бронзовая
короткая
пушка обр. 1867 г.
№ 5181

«И вот, только пришел домой, слышу: подала голос Петропавловка, а вслед за ней еще выстрел, более грозный и громкий. На другой день узнал: второй выстрел был с „Авроры“ — из воспоминаний А. Г. Петрова, участника революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Прошло много лет после Октября, и А. Г. Петров разыскал бомбардира Смолина, давшего 25 октября 1917 года выстрел из сигнальной пушки № 5181.

«Костер» № 11, 1974 г.

«Однажды я прочитал в газете о Сереже Жукове, которому удалось узнать, что в их доме в Ленинграде, на улице Чайковского, 58, жил Владимир Ильич Ленин. Но на доме не было мемориальной доски и никто из ребят Сереже не верил. Тогда Сережа написал письмо в Центральный Комитет партии. Вскоре на фасаде появилась мемориальная доска.

Я решил познакомиться с этим мальчиком. Но оказалось, что он служит в армии, охраняет границу. Через год мы встретились.

— У кого ты узнал, что в ва-

шем доме жил Ленин? — спросил я.

— Вот. — И Сережа показал на книги, которых у него много, как в библиотеке».

Игорь Виноградов, Ленинград.
«Костер» № 1, 1974 г., «Барабан».

В ЭТОМ ДОМЕ
с 31 АВГУСТА
ДО НАЧАЛА
ОКТЯБРЯ
1883 г. ЖИЛ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
ЛЕНИН

С ЭТОГО ВРЕМЕНИ
НАЧАЛАСЬ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ПЕТЕРБУРГЕ
ПО СОЗДАНИЮ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ
МАРКСИСТСКОЙ
ПАРТИИ РОССИИ.

И ИМЕНЕМ

Следопытский отряд имени А. Гусева Московского Дворца пионеров разыскал и записал воспоминания бывших воспитанников Лесной школы в Сокольниках. В нее не раз приезжал В. И. Ленин зимой 1918—1919 года.

«Костер» № 1, 1980 г.

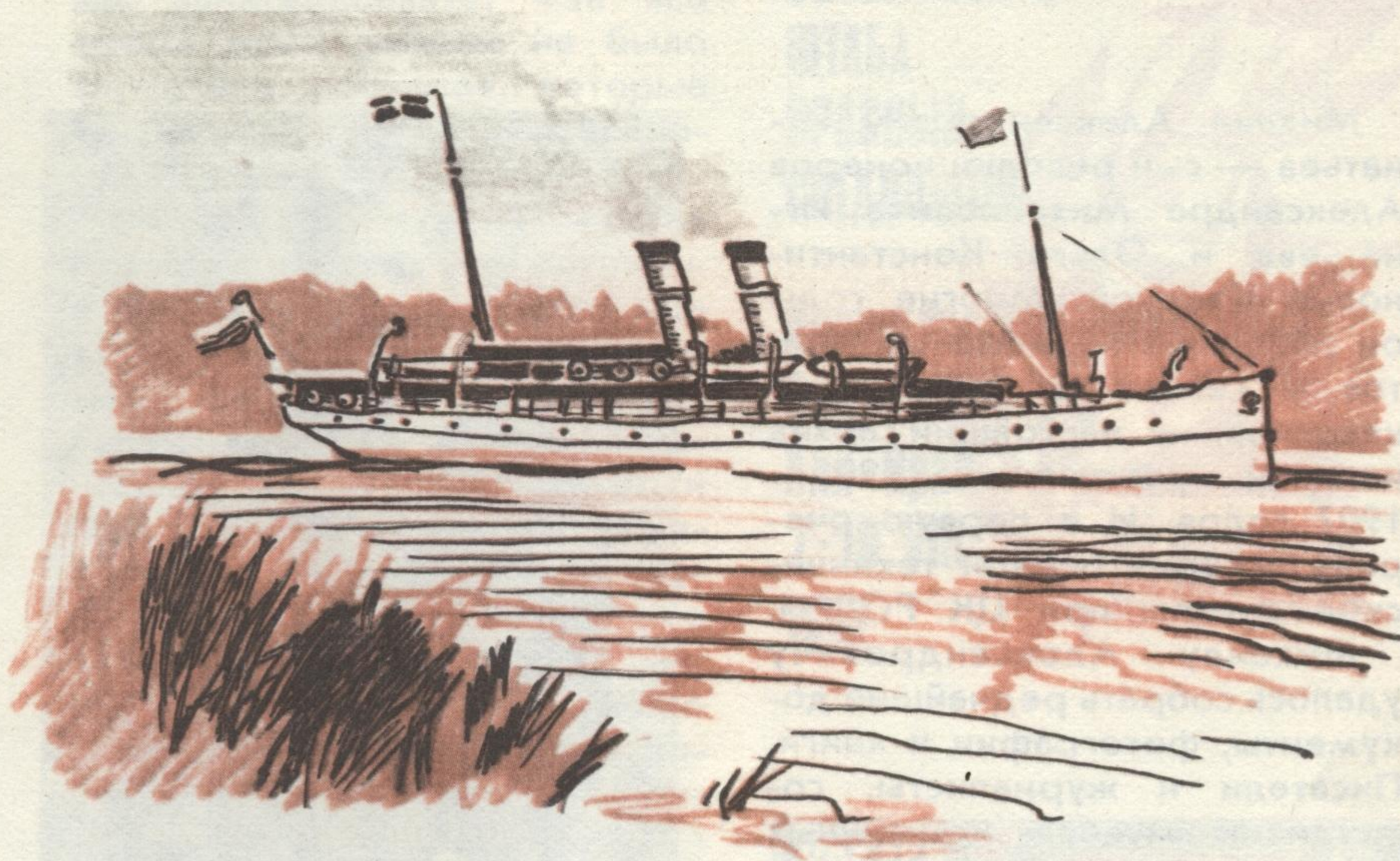
«В нашей школе есть класс-музей. Этот музей нам помог организовать Михаил Федорович Кузнецов. Представляете, он сидел с Володей Ульяновым за одной партией» — из рассказа Феи Друка, ученика 7 класса школы № 1 имени В. И. Ленина г. Ульяновска.

«Костер» № 4, 1980 г.

О жизни В. И. Ленина в крохотном французском поселке рыбаков Логиви наши ученые-историки знали давно. Но конкретно о доме, в котором Ульяновы снимали комнату, ничего не было известно. Пионеры-следопыты из советской школы при посольстве СССР во Франции нашли домик, где в 1902 году жил Владимир Ильич, сделали точные зарисовки самого дома, комнаты, обстановки.

«Костер» № 4, 1981 г.

«Пароход, направлявшийся в Швецию, вместе с почтой взял на борт случайного пассажира. Весь его багаж составлял выдавший виды саквояж. Так началась вторая эмиграция В. И. Ленина, которая продолжалась почти десять лет» — очерк об уникальном поиске,

который вели вместе с пионерами нашей страны пионеры Финляндии. Им удалось разыскать фотографии людей, встречавшихся с Лениным в Финляндии, фотографии парохода «Боре», на котором Ильич прибыл в Швецию.

«Костер» № 4, 1982 г.

«В ночь с 19 на 20 мая 1900 года Владимир Ильич, захватив небольшую ручную корзинку, с последним звонком сел в вагон пассажирского поезда № 18, следовавшего маршрутом Остров — С. Петербург. Рано утром, когда поезд на несколько минут притормозил на станции Александровская,

спрыгнул с подножки. От станции он направился аллеями Александровского парка в сторону Царскосельского вокзала». О том, как пионеры-следопыты 409-й и Александровской школ установили маршрут В. И. Ленина, очерк «Опасный переход».

«Костер» № 1, 1985 г.

ТАЙНА АХИ-ЯРВИ

Михаил Александрович Игнатьев — сын революционеров Александра Михайловича Игнатьева и Ольги Константиновны Каниной. Многие годы он работал в коллегии адвокатов, а сейчас на пенсии. Его квартира — настоящий архив истории революции 1905—1907 годов. И в первую очередь истории Боевой технической группы при ЦК РСДРП.

Михаилу Александровичу удалось собрать редчайшие документы, фотографии и книги. Писатели и журналисты, сотрудники музеев и научных институтов обращаются к нему за консультациями. Ряд ценных материалов он передал в музеи Москвы, Ленинграда, Выборга.

Почти четверть века Михаил Александрович помогает ленинградским следопытам в поисках ленинских и историко-революционных мест на Карельском перешейке.

И когда после публикации в нашем журнале материала «Тайна Ахи-Ярви» на берег красивого лесного озера отправился во время летних каникул сводный пионерский батальон особого назначения, мы думали, что участником экспедиции станет и Михаил Александрович.

— Очень сожалею, но меня здорово подвело мое здоровье. И тут, как говорится, ничего не попишешь. Поэтому давайте не будем говорить на эту тему.

— Скажите, пожалуйста, что вы знаете о истории бывшего имения Игнатьевых в Ахи-Ярви.

— Название Ахи-Ярви я слышал с раннего детства от родителей. Это местечко в бывшем Кивенапском уезде Выборгской губернии, в восьмидесяти верстах к северу от Петербурга. Сначала по железной дороге до бывшей станции Райвола, ныне Рожино, дальше по шоссе, сворачиваю-

Александр Михайлович Игнатьев

щему на восток... Дорога перерезает сосновые боры, смешанные леса, рощи, огибает лощины и овраги, холмы и озера. Когда на двадцать шестой версте она вбегает в гору, неожиданно открывается зеркало озера, которое носит название Ахи-Ярви. На берегу его и располагалось имение, принадлежавшее нашей семье.

— Интересно узнать, как Игнатьевы стали владельцами имения?

— В нашей семье с давней поры хранится реликвия — групповая фотография. В центре фото — мой прадед Федор Казимирский. За воинские заслуги и тяжелое ранение в бою прадед был награжден Георгиевским крестом. Вместе с наградой он получил небольшой участок земли на Карельском перешейке. Построил дом, несколько хозяйственных построек. Вот, собственно, и все имение.

У четы Казимирских было два сына и три дочери. Одна из них стала моей бабушкой.

На ней женился Михаил Александрович Игнатьев — человек незаурядный, заслуживший любовь и уважение всех, кто с ним сталкивался. «Быть полезным своей Родине!» — таков был девиз Михаила Александровича. Этому девизу он следовал всю жизнь. С отличием окончил Медицинскую академию, потом участвовал в русско-турецкой кампании. После окончания военных действий занялся научной работой, защитил диссертацию, получил звание магистра. В годы революции 1905—1907 годов Михаил Александрович был в чине действительного статского советника, что соответствовало военному чину генерала. Он хорошо знал о деятельности своего сына — революционера-подпольщика и всячески ему помогал.

Игнатьевым в Ахи-Ярви принадлежало два больших дома. Старую дачу, как у нас называли, построил еще прадед, а новую — дед.

Если говорить о строениях, то следует вспомнить и небольшой домик возле озера, его называли «домом Фомы». Это единственный дом, который сохранился с того давнего времени до наших дней. Старая дача простояла до 1939 года и была уничтожена в период боев с белофиннами. А новая дача, как мне рассказывали следопыты Первомайской школы, была разобрана и поставлена в другом месте.

— Когда вы сами были в Ахи-Ярви и что можете об этом рассказать?

— Впервые я попал в Ахи-Ярви в 1959 году. Считаю, что мне тогда здорово повезло. В то лето там отдыхал товарищ по фамилии Егоров, который в дореволюционные годы жил в имении моих родителей. Он сообщил много интересных подробностей. Так, например, почта приходила не

на адрес Игнатьевых, а к торговцу Пильцу. Его лавка находилась на перекрестке дорог.

Второй раз я приехал в Ахи-Ярви вместе с дядей, Михаилом Михайловичем. Нас пригласила в эту поездку Татьяна Михайловна Емельянова — заместитель директора Музея Великой Октябрьской социалистической революции. Она была большим энтузиастом поисков историко-революционных документов и очень надеялась, что на участке Ахи-Ярви удастся что-нибудь отыскать для музея. Но обнаружить тогда ничего не удалось.

— Теперь последний вопрос. Ваш отец — Александр Михайлович Игнатьев — был членом Боевой технической группы при ЦК РСДРП. Что вы можете рассказать о его революционной деятельности в 1905—1907 годах?

— Как вспоминал мой отец, его работу облегчало то обстоятельство, что он хорошо знал местные условия, имел знакомства среди хозяев хуторов и простых крестьян, полицейских и служащих железнодорожных станций.

Николай Евгеньевич Буренин, соратник отца по Боевой технической группе, писал, что А. М. Игнатьев получил полное согласие на использование Ахи-Ярви от Центрального Комитета партии и лично Владимира Ильича Ленина.

Работа отца в Ахи-Ярви велась главным образом в двух направлениях. Он ведал добычей, хранением и транспортировкой оружия. Кроме того, организовал химическую группу, добывал взрывчатые материалы, руководил изготовлением, хранением и перевозкой бомб. К участию в транспортировке оружия и взрывчатых веществ он привлек много молодежи, рабочих, студентов и курсисток.

Грузы с оружием поступали на станцию Райвола, откуда на лошади отвозились в имение. Потом мелкими партиями его переправляли ближе к границе, на железнодорожные станции и в дачные поселки. Разными путями и способами

оружие доставляли в Петербург.

А сейчас я хочу привести небольшой отрывок из воспоминаний отца, который должен вас заинтересовать: «За все время моей работы не было серьезных провалов, которые бы отразились на деятельности Боевой группы...»

Во многих глухих местах имения и в лесу, еще готовясь к приему оружия с парохода «Джон Графтон», были вырыты глубокие ямы, кругом повалены деревья, чтобы затруднить подход к ним. В них и были опущены ящики с оружием и патронами и разные другие материалы... Сверху все это было закрыто досками, завалено землей, заложено сверху дерном, посажены елки, некоторые из которых принялись...»

Хочу еще добавить к воспоминаниям моего отца. Как мне известно, однажды при подходе к имению возникла неожиданная опасность. И тогда оружие, запакованное в каучуковые, как тогда говорили, или резиновые мешки опустили в озеро. Но не в большое Ахи-Ярви, а в маленькое, с островком посередине.

И — последнее. Вы, конечно, знаете, что в разные годы пионеры, журналисты, ученые-историки предпринимали попытки найти спрятанное революционерами оружие, партийные документы и другие предметы. К сожалению, все эти попытки окончились безрезультатно. Надо ли говорить, что в год семидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции экспедиция следопытов «Костра» мне представляется очень важной и нужной. С нетерпением жду вестей от участников экспедиции. Салют следопытам!

Записал Г. С. УСЫСКИН,
кандидат исторических наук

От редакции:

Рассказ наших специальных корреспондентов о всесоюзной экспедиции следопытов «Костра» будет напечатан в первых номерах будущего года.

КОСТЁР

ЭКСПЕДИЦИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА КРАСНЫХ СЛЕДОПЫТОВ

* Ленинградская обл.
Выборгский р-н
Ахи-Ярви
7-19.VIII
1987

ВШКС

Значок
и нарукавный шеврон
участников экспедиции
журнала «Костер»

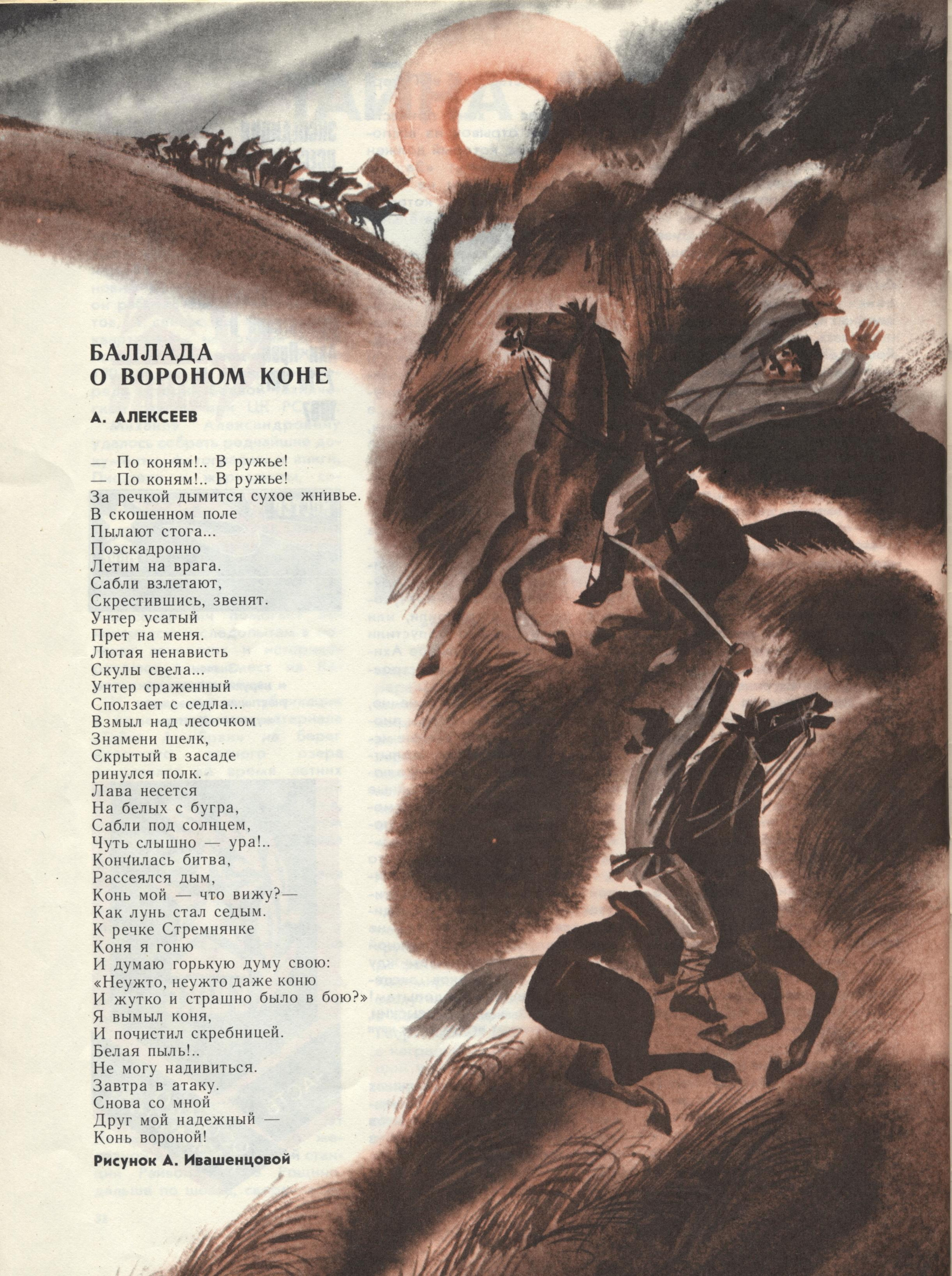

БАЛЛАДА О ВОРОНОМ КОНЕ

А. АЛЕКСЕЕВ

— По коням!.. В ружье!
— По коням!.. В ружье!
За речкой дымится сухое жнивье.
В скошенном поле
Пылают стога...
Поэскадронно
Летим на врага.
Сабли взлетают,
Скрестившись, звенят.
Унтер усатый
Прет на меня.
Лютая ненависть
Скулы свела...
Унтер сраженный
Сползает с седла...
Взмыл над лесочком
Знамени шелк,
Скрытый в засаде
ринулся полк.
Лава несется
На белых с бугра,
Сабли под солнцем,
Чуть слышно — ура!..
Кончилась битва,
Рассеялся дым,
Конь мой — что вижу? —
Как лунь стал седым.
К речке Стремнянке
Коня я гоню
И думаю горькую думу свою:
«Неужто, неужто даже коню
И жутко и страшно было в бою?»
Я вымыл коня,
И почистил скребницей.
Белая пыль!..
Не могу надивиться.
Завтра в атаку.
Снова со мной
Друг мой надежный —
Конь вороной!

Рисунок А. Ивашенцовой

БУДНИ ЧЕРНОБЫЛЯ

Это было в майские дни 1986 года,
когда весь мир с тревогой следил за событиями в Чернобыле...

...Автобус остановился, и я понял, что мы приехали. Мне же еще предстояло пройти дозиметрический контроль и самое главное — получить разрешение для дальнейшего следования по 30-километровой зоне. К тому же я резко отличался от всех своим внешним видом. Все были в спецодежде, белоснежных накрахмаленных шапочках, у каждого — респиратор и дозиметр.

— Документы! Пропуск! Вы новенький?..

Пришлось зайти в будку контрольно-пропускного пункта и объяснить, кто я и откуда. Спасибо, тут же на выручку пришел заместитель секретаря парткома Чернобыльской электростанции Геннадий Алексеевич Коряка. Он предъявил свое удостоверение, и лишь после этого работник охраны мне улыбнулся.

— И все же я должен сообщить о нем коменданту,—

сказал он.— Порядок есть порядок... А когда будете уезжать, не забудьте отметиться.

Я разделся. Все свои вещи сложил в полиэтиленовый мешок, а взамен получил спецодежду, респиратор, головной убор и ручной дозиметр. Тут же все это натянул на себя и уже ничем не отличался от тех, с кем только что приехал на автобусе.

А приехал я в «Сказку». Правильное название этого временного вахтового поселка — пионерский лагерь «Сказочный».

Он находится всего лишь в нескольких километрах от Чернобыльской АЭС. Каждое лето здесь отдыхали дети рабочих электростанции. Но случилась беда — и с начала мая 1986 года пионерлагерь стал базой тех, кто работает на ликвидации последствий аварии. В кратчайшие сроки завезли все самое необходимое — тех-

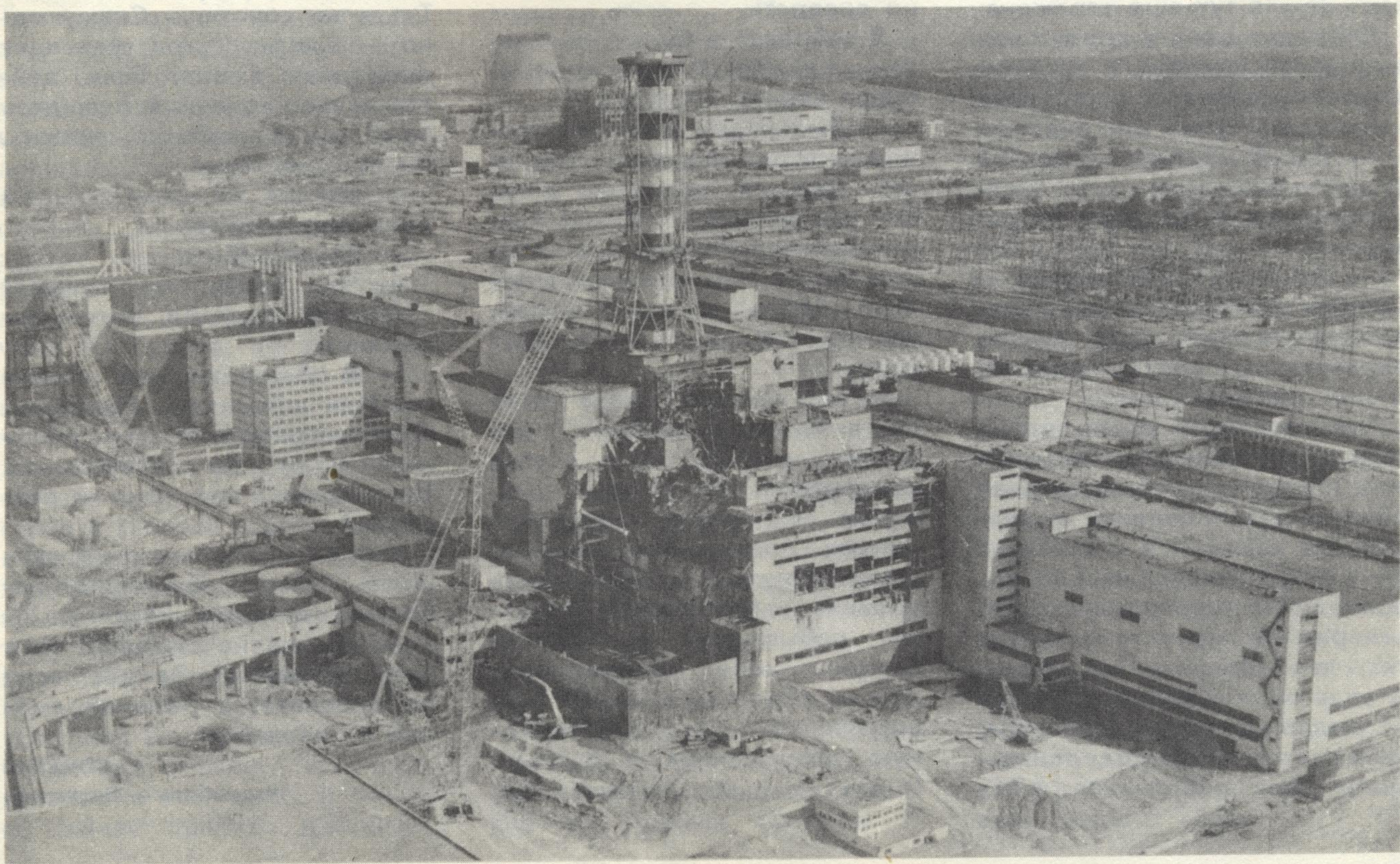
нику и инструменты, спецодежду и продукты. Позаботились даже о питьевой воде и телефонной связи. Теперь отсюда можно связаться с любой точкой страны.

Мой провожатый диктует распорядок дня:

— Сначала ужин и отдых. Потом вас ждут в парткоме. Только, пожалуйста, поменьше об этом... о героизме.

В парткоме АЭС меня знакомят с Михаилом Мешковым. Порой его здесь шутливо зовут «комсомольский пресс-атташе». Обычно он знакомит журналистов с положением в зоне реактора и вокруг него. Он — старший инженер лаборатории металлов Чернобыльской АЭС, он знает ее, как говорится, до винтика. Он сам был у реактора, тушил пожар, помогал в эвакуации населения.

Как-то незаметно мы перешли на «ты».

— Что такое наша «Сказка»? — переспросил он. — Видишь: двухэтажные каменные корпуса? Вот в этом, к примеру, поселились представители Минэнерго. А по соседству с ними — ученые, специалисты из Киева, Ленинграда, Москвы... В общем, со всей страны. Здесь дозиметристы, кухонные рабочие, водители машин и бронетранспортеров... В каждом корпусе телевизоры, радиоприемники, все самое необходимое, чтобы у сотен людей был нормальный отдых.

— Расскажи, как было там... у реактора, ведь ты был там... О себе расскажи...

— Обычная биография. Школа, служба в армии, институт, направление на электростанцию. Про меня писать не надо. Писать нужно про тех, кто в ту ночь отличился, кто принял на себя первый удар.

Там были сотни людей. Ты пойми — мы рядовые этой аварии, этой беды. И может быть, в чем-то есть и наша вина. Так что давай не будем лезть в герои. Со временем узнаем, кто чего заслуживает. Пойдем, покажу тебе лагерь. Ступать лучше по бетонным дорожкам. Земля тут еще заражена.

Он ведет меня в корпус медицинской службы, и тут Михаил буквально заставляет меня сдать кровь для анализа.

— Давай, давай, хуже не будет, — объясняет он, засучивая рукав. — Заодно и я проверюсь.

— Миша, у тебя норма, — говорит врач. — А у вас, товарищ журналист, еще лучше. Видимо, вы здесь недавно? К вам претензий нет.

Чуть позже я узнал, что в «Сказке» у Михаила Мешкова есть и еще одна общественная обязанность. Когда-то в детстве он занимался в киностудии. И вот теперь навыки кинемеханикагодились. По вечерам он «крутит» кино для тех, кто вернулся со смены. А ведь он, как и все, работает у поврежденного реактора, занимается распределением жилья для работников АЭС,

еще успевает сделать массу других дел.

Но обо всем этом я, естественно, узнал не от него — перед киносеансом разговаривал с рабочими.

— Миша? — улыбнулся один. — Побольше бы таких ребят! Ведь он работал в ту страшную ночь у реактора. Не хочу его как-то выделять, но то, что он сделал... Ему можно доверять.

Я забрался в будку кинемеханика и, пока Михаил перематывал пленку, спросил:

— Ты каждый день бываешь у реактора. Можешь сравнить каждый прожитый день. Как там налажена работа? Авария все-таки. Иногда мне представляется, что должны суетливо бегать десятки людей, кричать, таскать, мешать друг другу.

— На каждую смену штаб по ликвидации аварии определяет задание. Оно всегда конкретное. Например, шахтерам — пройти столько-то метров подземного тоннеля. Дозиметристам — определить уровень «загрязнения» техники, побывавшей в «самой-самой» зоне. Вертолетчикам — сбросить в жерло раскореженного блока очередную дозу свинца и брома... И вот из таких, казалось бы,

с виду небольших операций и складывается рабочий день.

— Говорят, что в первые дни не все проявили себя...

— Давай называть вещи своими именами. Да, были трусы, были паникеры. Об этом неприятно говорить — но это факт. Но таких людей можно сосчитать на пальцах — их ничтожно мало.

— Михаил, для вас, работающих в 30-километровой зоне, чья помощь ощутимей?

— Техника и грузы идут со всего Союза. А работают представители практически всех республик. Механизмы и приборы, медицинский и обслуживающий персонал, ученые и рабочие — едут отовсюду. Люди устраивают субботники, свои сбережения отдают в фонд помощи Чернобылю... А забота о детях? Они отдыхали в «Артек» и «Орленке», пионерских лагерях Ленинграда, Москвы, Литвы, Латвии, Эстонии. Помощь огромная! Без нее ни о какой победе над реактором говорить не приходится.

Уже перед отбоем я опять разыскал Михаила Мешкова.

— Как добраться до реактора? — переспросил он. — Тут я не советчик. Скажу одно — завтра с утра туда едет очередная смена. Если действительно хочешь все увидеть сам, иди в партком, проси... Ни пуха ни пера!

— Но вы же сами каждый день туда ездите!

— Такая работа.

— Что значит — «такая»?

Михаил подумал, потом засмеялся:

— В общем ты прав, конечно. Иди в партком. Разрешат. Обычная работа. И мы — обычные люди. Не супермены... Так и скажи в парткоме — разрешат!

Говорить мне этого не пришлось. Очень буднично работник парткома сказал:

— Хотите на станцию? А в чем проблема? Завтра, если не проспите, с рабочей сменой и поезжайте.

А. СОЧАГИН

Чернобыль — Ленинград

ЗАГАДКА ТРОЯНСКОГО КОНЯ

Александр АФАНАСЬЕВ

Кто не слышал о Троянском коне — этом символе изощренной хитрости и беспримерного коварства? Наверно, многие знают и историю его происхождения.

Давно это было. Шел десятый год осады легендарной Трои. Уставшие, измученные греки готовы были отказаться от дальнейшей борьбы и снять осаду. Но тут Одиссей, умнейший из греков, предложил пойти на хитрость: сделать полого деревянного коня как бы в дар неприступной Трое, посадить в брюхо коня самых храбрых воинов — с тем чтобы они ночью выбрались из него и открыли ворота города.

Как задумали — так и сделали. Оставили греки у ворот Трои гигантского деревянного коня с храбрецами во чреве, а сами отплыли в открытое море, как бы сняв осаду и отправившись по домам. Обрадовались троянцы уходу греков и решили в память о победе поставить деревянного коня в центре города. Долго отговаривали троянцев от задуманного жрец Лаокоон и пророчица Кассандра, но не послушались их троянцы и не послушались будто бы потому, что лишили боги в этот момент жителей Трои разума. Торжественно вкатили они коня в город и заперли ворота. Ночью выбрались из брюха его греки, перебили охрану у ворот и открыли их соплеменникам, к тому времени вернувшимся под стены неприступной Трои. И город после десяти лет безуспешной осады пал.

Такова история Троянского коня в том виде, в каком ее сейчас принято рассказы-

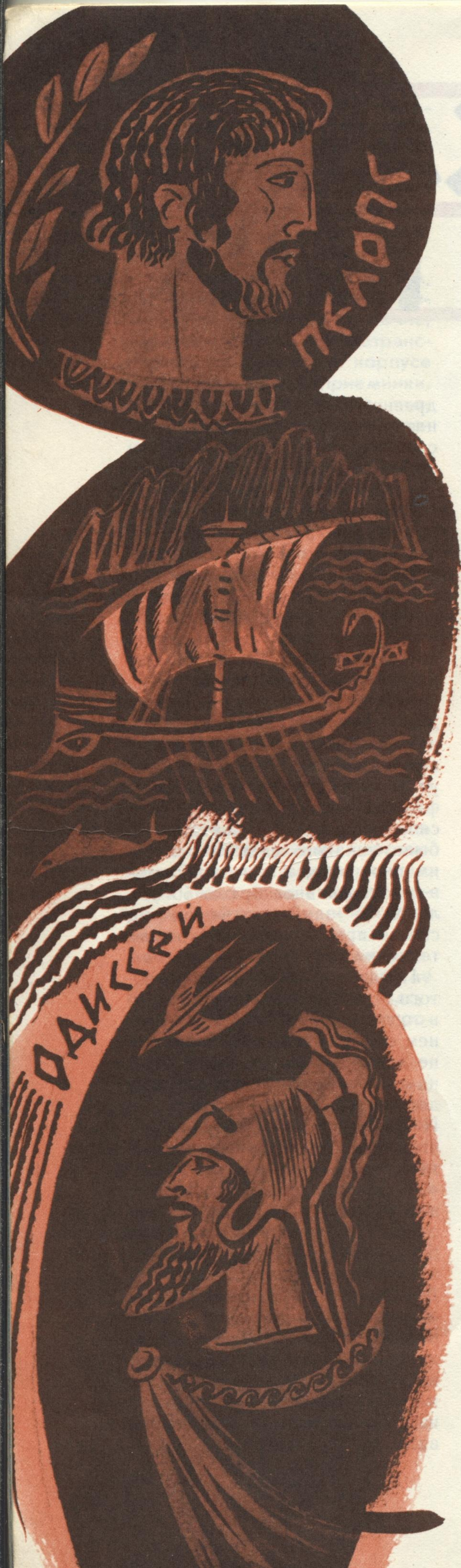
вать. Первое упоминание о коне мы находим у старейшего греческого поэта Гомера. Но вот что любопытно: Гомер в восьмой песне «Одиссеи» пересказывает эту историю как бы скороговоркой, потратив на нее буквально несколько строк, словно в это время сказание о Троянском коне было настолько общеизвестно, что в подробном изложении практически не нуждалось. И действительно, жившие после Гомера античные писатели знали о деревянном коне явно больше того, что о нем говорится в «Одиссее». Исходя из этих обстоятельств, уже давно была высказана и принята всеми гипотеза, что задолго до Гомера существовала самостоятельная песнь — «Песнь о деревянном коне», на которую опирались все античные авторы, писавшие о данном предмете. К сожалению, песнь эта до нас не дошла даже в отрывках и об объеме ее и содержании можно только гадать.

Однако проблема первоисточника сказания о Троянском коне — не самая большая тайна в его истории. Гораздо таинственней другое — откуда и зачем вообще взялся этот конь под Троей? Мы с вами, дорогой читатель, не столь наивны, чтобы, подобно древним, уверовать, будто боги могли довести до безумия население целого города и оно, не поинтересовавшись содержанием гигантского деревянного сооружения, втащило его зачем-то в Трою. Здесь что-то не так.

При этом нельзя утверждать, что сама по себе хитрость, подобная троянской, была новинкой во времена Одиссея. В

древнеегипетском рассказе под названием «Взятие Яффы» описан сходный прием: воины спрятались в корзины, якобы наполненные дарами, и, благодаря этой хитрости проникнув в город, захватили его. Так что ничего принципиально нового Одиссей со своим конем не выдумал. Смущает в его уловке другое: зачем упаковке для воинов нужно было придавать форму коня? Могло ли в этом деревянном коне поместиться столько людей, даже если взять минимальную из упоминаемых в источниках цифру (50 человек), не учитывая при этом наиболее фантастические данные (3 тысячи человек)? Кажется, не было никакого смысла делать именно коня, да и впихнуть в его деревянное брюхо 50 человек — задача едва ли по силам при тогдашнем уровне техники.

Предложим свою версию того, что произошло под Троей в то легендарное время. И начнем с того, что Троянский конь не мог быть уникальным, единственным изделием, где-то оно должно было быть повторено. И действительно, древнегреческий историк Павсаний, оставивший замечательный труд «Описание Эллады», упоминал в нем, что жители Аргоса, посчитав, что они одержали победу над Спартой, послали в священный центр Греции — Дельфы изображение коня «наподобие (знаменитого) деревянного коня». А в другом месте Павсаний писал, что видел в афинском акрополе медного «деревянного коня», из утробы которого выглядывали сыновья Тесея.

То, что из утробы афинского Троянского коня выглядывали сыновья Тесея — легендарного царя Афин, — говорит о многом. Потому что, видимо, в древности подобного рода изображения с пустотами внутри использовались как саркофаги для праха особ, почётных в силу тех или иных причин за священные. Вот, например, какую интересную историю рассказывал греческий философ Платон. Жил, по его словам, некогда юноша по имени Гиг, «он был пастухом и батрачил у тогдашнего правителя Лидии; как-то раз, при проливном дожде и землетрясении, земля кое-где расселась и образовалась трещина в тех местах, где Гиг пас свое стадо. Заметив это, он из любопытства спустился в расселину и увидел там, как рассказывают, разные диковины, между прочим и медного коня, полого и снабженного дверцами. Заглянув внутрь, он увидел мертвеца, с виду больше человеческого роста. На мертвце ничего не было, только на руке — золотой перстень». Очень похожее изображение видел историк Геродот в Египте. Он писал, что дочь фараона Микерина была погребена в деревянной пустотелой статуе коровы и раз в год эту статую выносили из дворца.

Можно предположить в этой связи, что и племя легендарных кентавров (по-гречески слово «кентавр» буквально «пустой бык») представляло собой не помесь людей и коней, как принято думать, а сообщество самых обыкновенных людей, только хоронивших своих вождей в фигурных гробах, видом подобных быку или коню.

Тут сам собой возникает вопрос: а не был ли знаменитый Троянский конь на самом деле такого рода саркофагом? Более чем вероятно, что — да. Можно даже сказать, чей прах хранился во чреве деревянного коня. Обратим внимание, греческий мифограф Аполлодор, излагая историю Троянской войны, писал, что непременным условием взятия Трои была доставка под стены города

костей Пелопса и что прах этого героя был действительно доставлен туда.

Здесь необходимо сказать несколько слов о том, кто был этот Пелопс. Пелопсом звался царь южной оконечности Балкан — полуострова, ныне называемого по имени этого царя Пелопоннесом. Он считался основателем того рода, к которому принадлежали главные вожди и инициаторы похода греков под Трою: Агамемнон и Менелай. Стал же Пелопс царем благодаря коням, он, по преданию, выиграл у своего предшественника гонку на колесницах и тем самым обеспечил себе право на престол. Последняя примечательная деталь биографии Пелопса заключается в том, что он был родом из тех же мест, что и упомянутый уже пастух Гиг, согласно Платону нашедший медный саркофаг в виде коня. Таким образом, хотя Аполлодор и не пишет, в чем хранились привезенные под Трою кости Пелопса, нам нетрудно догадаться, что хранились они во чреве знаменитого деревянного коня. Поэтому последний вопрос, которым следует задаться в этой связи, будет звучать следующим образом: зачем понадобилось руководителям похода греков везти под стены Трои столь дорогой их сердцу саркофаг?

Ответ на этот вопрос дает одно «темное» место из стихотворения римского поэта Проперция. В одной из своих элегий поэт писал, что суда греков вернулись на родину не ранее, но только

После того как прошел
Паллады конь деревянный
С греческой вражьей сохой
высью нептуновых стен.

То есть за конем, оказывается, еще волочилась соха. Это обстоятельство в корне меняет дело. О некоем хитром даре уже не приходится говорить. Если за конем действительно волочилась соха, то речь, безусловно, могла идти только об одном — об опахивании, и опахивании не простом, а специальном, обрядовом. Теперь у нас появляется возможность

восстановить в первоначальном виде весь ход произошедших под Троей событий.

После того как знаменитый археолог Шлиман раскопал Трою, начался коренной пересмотр всего, что сообщалось Гомером об осаде города. Троя, например, оказалась настолько мала, что ни о какой десятилетней осаде речи быть не могло. Длилась она самое большое несколько недель. Вполне возможно, что штурм удался благодаря какой-то хитрости, но не троянский конь был ее орудием. Саркофаг в виде коня с прахом Пелопса был погружен на корабль вместе с войском и все время до конца штурма находился в греческом стане (возить с собой в качестве боевого амулета прах предка было в обычае военных походов того времени). Черед коня наступил после падения Трои. К нему привязали соху и пробороздили ею вокруг города глубокую борозду.

Спрашивается: в чем заключается смысл этого странного обряда? А смысл был тот, что фактическое взятие Трои еще не сделало потомков Пелопса — Агамемнона и Менелая полновластными ее обладателями. Нужно было юридически закрепить право их на власть над троянской землей. Поэтому оба царя, проведя вокруг города борозду сохой, тащившейся за саркофагом предка, как бы закрепили за потомками Пелопса право на обладание завоеванной территорией. Без такого обряда власть их над Троей считалась

бы незаконной и оказалась бы непрочной. Потому-то присутствие праха Пелопса под стенами города считалось непременным условием победы и якобы с момента доставки коня в Трою началось падение легендарной твердыни. Позднее об обряде этом забыли и образ коня-саркофага склеился в античной литературе с бродячим сюжетом об использовании пустой тары для фальшивого дара от осаждавших осаждаемым. Так родился миф о Троянском коне, до сих пор волнующий наше воображение.

Рисунки А. Аземши

Оформление Т. Панкевич

Ноябрь — ворота зимы. Дождь вдруг сменяется снегопадом. Вот и свежий морозец затянул ледком лужи. Побелела земля, но не надолго. «Первый снежок — не лежок» — полежал, полежал и растаял. Под холодным ветром ежатся кусты, зябнут оголившиеся деревья. В лесу сыро и неуютно... Но и глубокой осенью можно побывать в зеленом саду, в тропическом лесу и даже в пустыне. Такой зимний сад есть у пионеров Ленинградской городской станции юных натуралистов.

Наш зимний сад

Здесь собраны растения пустынь и тропических лесов. Ботаники дали им диковинные названия, хотя у себя на родине, в Америке, Африке, Австралии — это обычная растительность. Мощная лиана тропического леса — монстера свесила большие изрезанные и продырявленные листья. Так растение приспособилось пропускать сквозь листья свет и тропические ливни. Монстера — в переводе «чудовище», но может и расплакаться. Перед дождем, когда воздух влажен, повиснут на кончиках листьев «слезы» — капельки влаги.

Всю стену обвили циссус и тетрастигма. Их юннаты вырастили из черенков, сейчас побеги громадные — в 20 метров. Из черенков выращены

и фикус каучуконосный, и реликт субтропиков — кипарисовик. А финиковая пальма выросла из семечка. Забавная лиана — буссенгольция. За несколько месяцев вырастает из клубеньков на 5 метров, но после цветения сразу вянет. Вот бильбергия — травянистое растение. Она очень любит солнце. Поэтому выбралась из дебрей тропического леса и селится на кронах высоких деревьев. А чтобы привлекать птиц, для опыления, у бильбергии даже листья на верхушках окрашены в яркие красно-оранжевые тона...

Здесь юннаты выращивают растения не только для своего зимнего сада, но и помогают озеленять школы, дома пионеров и детские сады.

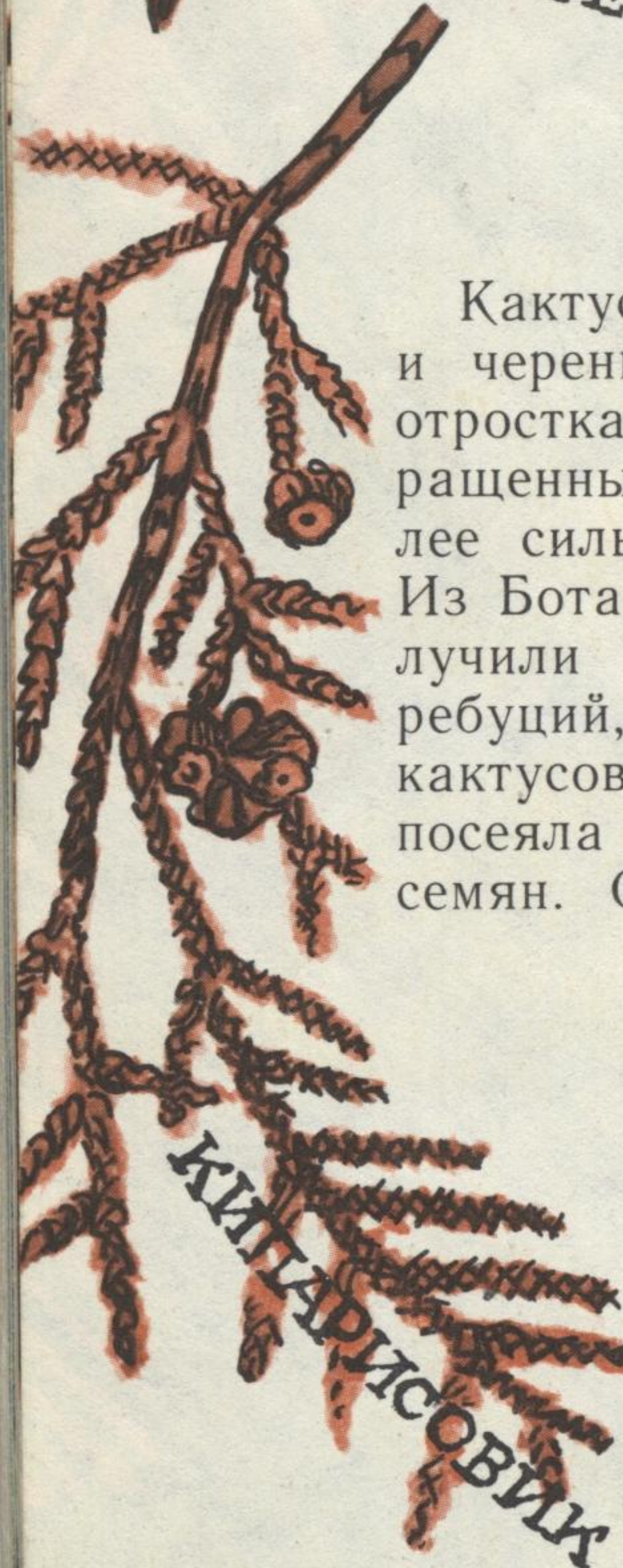
Кактусы из семян

Кактусы можно разводить и черенками, и маленькими отростками-«детками». Но выращенные из семян кактусы более сильны и жизнеспособны. Из Ботанического сада мы получили семена мамиллярий, ребуций, айлостеры и других кактусов. Всего 14 видов. Я их посеяла и определяю всхожесть семян. Самыми первыми взо-

шли ферокактусы. А Ира Александрова и Алена Литвинова делают другой опыт: они посеяли семена кактусов в разные по составу почвы. В листовую землю, в речной песок, в древесный уголь и в мелко толченый кирпич. Перед посевом мы стерилизовали горячим паром землю, горшки, песок. Температура для прорастания

семян 25—28 градусов. Чтобы поддерживать влажность, опрыскиваем из пульверизатора стекло, которым накрыты посевы. Всем, кто увлекается кактусами, советую книги: Р. А. Удалова «В мире кактусов», И. А. Залетаева «Книга о кактусах», Т. И. Борисенко «Кактусы» (справочник).

Таня Федченко, школа № 198

Орхидеи

У орхидей все необычно — строение цветка, стебля, образ жизни. Даже растет один из видов — каттлея лимонная — «вниз головой»... Орхидеи встречаются от Аляски до Огненной Земли, а многие тропические виды выращивают в теплицах. Большинство орхидей — эпифиты, используют другие растения как опору. Этим «квартирантам» достаточно кусочка почвы между ветвей, а уж потом корнями они крепко присасываются к «хозяину». Самая маленькая ор-

хидея — бульбофиллум Одоарда с острова Калимантан. Она похожа на крохотный зеленый шарик размером с булавочную головку. А самая крупная — граматофиллум — огромный куст до 3 метров высотой. И стебель у орхидей необычный — похож на зеленую луковицу. В теплице на станции я выращиваю дендробиум, целогину, орницидиум и фоллоту. Моя задача — определить самую подходящую питательную среду для орхидей. Пробую и сосновую кору,

и корни папоротника, хвойную лесную подстилку, торф, мох сфагнум, коровяк, дерновую землю, древесный уголь. Интересно, какая же почва больше понравится орхидеям?

Виктор Тропченко,
школа № 535

Развожу коммелиновые

Я занимаюсь на станции комнатным цветоводством, развожу растения из семейства коммелиновых. У нас их несколько видов: традесканция белоцветковая и речная, зебрина, сеткреазия. Родина этих растений — влажные тропические леса Америки. Их ползучие стебли стелются по берегам озер и рек. Любят влагу и те-

невыносливы. Только сеткреазия любит солнце, она родом из пустынных нагорий Мексики. Удивительное дело! При недостатке света ее листья из лиловых могут стать зелеными. Все коммелиновые очень декоративны и легко размножаются. Я провожу опыты по укоренению этих растений.

Таня Коробова, школа № 97

АЗБУКА ЦВЕТОВОДА

Как защитить растения

«Помогите, «Зеленые страницы!» Я выращиваю цветы в комнате и на балконе. Расскажите, как избавиться от вредителей».

Юля Секач,
Гатчина

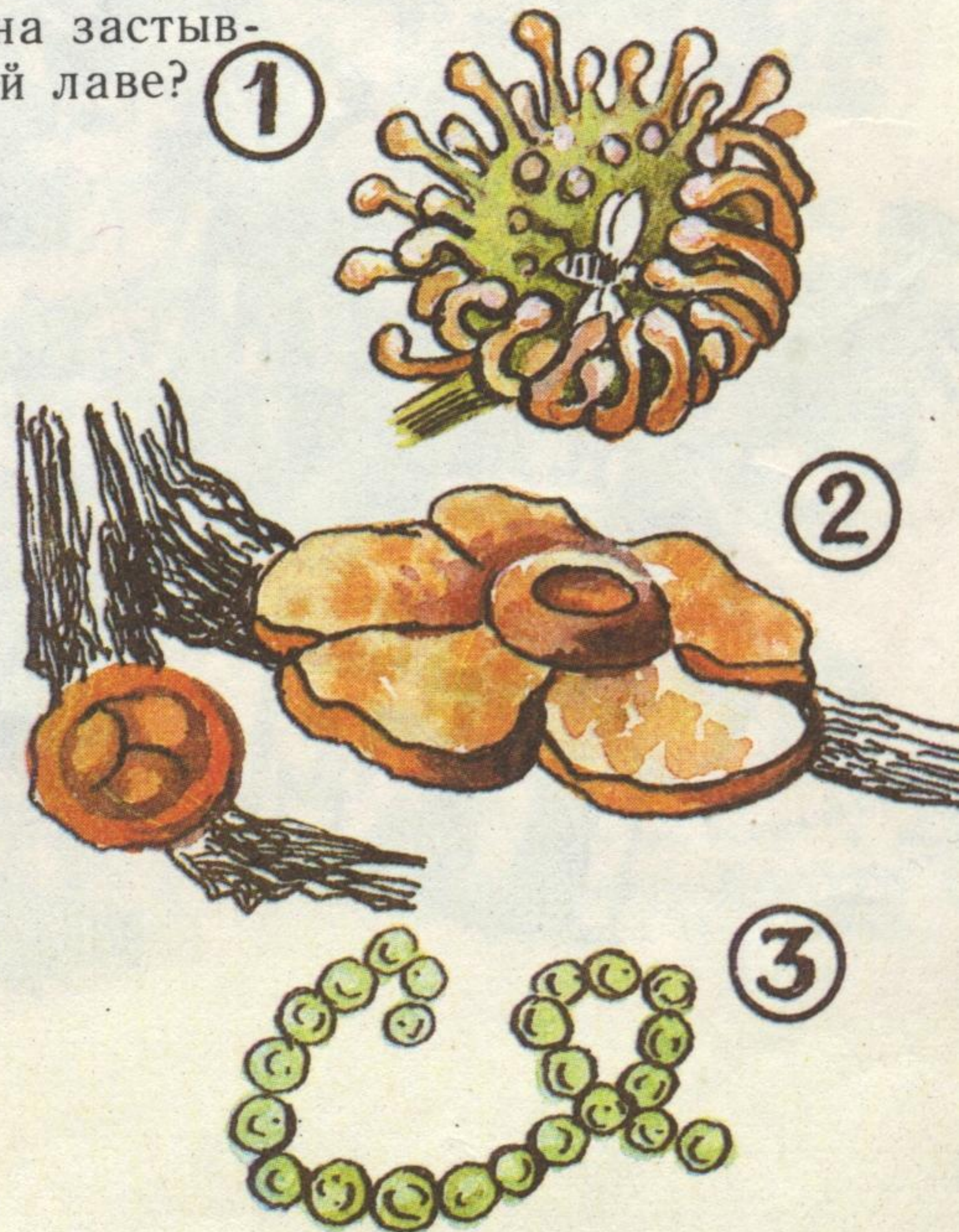
В комнатных условиях лучше не пользоваться химическими препаратами. Помогут другие растения. Заболевшее растение можно обработать настоем чеснока, лука, красного горького перца, апельсиновой кожуры. Если растение

поражено тлей или паутинным клещом, обмойте его мыльной водой и приготовьте «лекарство». Это настой из одной чайной ложки нарезанного лука или половины чайной ложки чеснока в стакане воды. Через сутки настой готов. Обмойте им растение несколько раз. А если рядом с этими цветами поставить душистую герань, то тля исчезнет через 2—3 дня. Помогут и божьи коровки. Для них тля — лакомство. Наловите жучков и посадите их на больное растение.

Составила Н. ИВАНОВА
Фото Б. Гесселя

ПОСМОТРИ, ПОДУМАЙ

Какое из этих растений —
1 — хищник, ловит насекомых,
2 — питается за счет других растений,
3 — может развиваться в воде, и на суше, и на застывшей лаве?

К 100-летию со дня рождения
Самуила Яковлевича Маршака

Самуил Яковлевич Маршак был не только замечательным поэтом, прозаиком, критиком и переводчиком. Он был еще и неутомимым организатором детской литературы, добрым, но требовательным редактором-наставником начинающих детских писателей.

Среди них был и давний автор нашего журнала Сергей Васильевич Погореловский. Маршак отметил его первое стихотворение для детей, помог подготовить к изданию первые книжки, рекомендовал его в писательский союз.

В своих «Рассказах о Маршаке» Сергей Васильевич ничего не придумал. В первом он рассказывает о том, что услышал от Маршака, а во втором написал о своих встречах с писателем.

РАССКАЗЫ О МАРШАКЕ

ГДЕ ЖИВЕТ РАССЕЯННЫЙ?

В большом городе жила маленькая девочка. Ей подарили книжку с картинками. Бабушке пришлось прочитать книжку вслух много раз подряд — так она понравилась внучке.

Это была книжка про человека рассеянного с улицы Басейной.

— Бабушка, а в каком городе улица Басейная? — спросила девочка.

— В нашем, внученька, — в Ленинграде.

Девочка даже запрыгала от радости.

— Ой, бабушка, тогда пойдем к рассеянному в гости! Мне так хочется на него посмотреть!

— Пойдем, — не очень уверенно сказала старушка. — Но, видишь ли, я не знаю номера его дома и квартиры.

— Не беда, бабушка! — сказала девочка и побежала на улицу. Ей было уже пять лет, и она знала, что надо сделать.

Вот на углу — терем-теремок. Из окошка выглядывает добрая волшебница. Она знает все-все на свете. Подходи, спрашивай, что тебе надо.

Уж она-то знает, где живет рассеянный!

Но волшебница оказалась не доброй, а злой.

— Во-первых, — сказала она скучным голосом, — я не даю справок бесплатно. Во-вторых, не люблю глупых вопросов! Твой рассеянный — выдумка. Его нет.

— Он есть! — убежденно сказала девочка. — И мне очень надо его увидеть. Скажите, пожалуйста, а кто знает, где он живет?

— Кто знает?!.. Ха-ха! А кто сочинил эту небылицу? Маршак? Вот он пусть и дает тебе эту справку!

Окошко захлопнулось.

...Девочка уже умела писать по-печатному. Она сама опустила свое письмо в ящик. На конверте был нарисован человек рассеянный. Рядом — адрес: «Москва. Писателю Маршаку».

Бабушка, сокрушенно качая головой, говорила соседке:

— Жаль ребенка!.. Рано придется ей узнать разочарование! А ведь так хорошо — верить в хорошее! И так тяжело терять эту веру!..

А через неделю почтальон принес пакет. В нем были книжки и письмо.

«Милая девочка, — писал Маршак. — Ты права, конечно. Рассеянный есть! Но где он теперь, я и сам не знаю. Из Ленинграда он переехал в другой город, но забыл прислать мне свой новый адрес. Ведь он такой рассеянный!

А знаешь, почему скучным людям так скучно? Потому, что верят они лишь в то, что могут пощупать руками. Как хорошо, что ты не такая!»

...В разговоре с друзьями Маршак любил вспоминать об этом письме девочки. Он сожалел, что не знает о дальнейшей ее судьбе. «Но я верю, —

говорил Маршак, — что она многого добилась в жизни. Ведь еще в детстве она училась не только мечтать, но и бороться за свою мечту!»

ВСЕХНАЯ РАДОСТЬ

Одному молодому поэту захотелось написать стихи для детей. Для взрослых-то он уже выпустил книжку, а вот для ребят не написал еще ни строчки. Хотя очень любил детвору.

И вот сочинил поэт несколько стихотворений. Кто-то посоветовал ему показать их знаменитому детскому писателю Маршаку.

— Голубчик, — сказал, прочитав стихи, Маршак (он любил так называть симпатичных ему людей), — голубчик, что ребятам интересно, о чем надо для них писать, вы понимаете. Но стихи еще не совсем удались вам. Ведь ребята народ особенный. Они любят, чтобы стихи можно было не только прочитать. Им подавай такие, какими можно и поиграть. Вот вы написали про качели, а слова какие-то сонные, ленивые. А ведь можно научить их раскачиваться, как качели, — то взлетать вверх, то падать, как в пропасть. Чтобы, читая, казалось, что сам качаешься между небом и землей... Пожалуйста, голубчик, поработайте над стихами еще.

После этого поэт много раз бывал у Маршака. Он переписывал стихи, исправлял их. Но Маршак говорил, что хотя стихи и становятся лучше, но еще не совсем такие, как надо.

Однажды вечером поэт вернулся от Маршака грустный. «Нет, — думал он, — не сумею мне, видно, порадовать ребят хорошими стихами. Я и не знал, что их так трудно сочинять».

В ту ночь от огорчения он долго не мог заснуть. Часы пробили уже два, а поэт все ворочался с боку на бок.

Наконец он заснул.

Вдруг зазвонил телефон.

«Кто это звонит ночью? — встревожился поэт. — Не случилось ли какой беды?!»

— Голубчик, — услышал он, — я вас разбудил? Не сердитесь, пожалуйста. Но я, после того, как вы ушли, все думал над вашими стихами. И, знаете, кое-что придумал! Где переставил слова, где поставил новые. Вот послушайте, как теперь получилось.

И он прочел по телефону стихи.

— Самуил Яковлевич, дорогой! — воскликнул поэт. — Стихи получились просто замечательные! Но только они теперь ведь не мои, а ваши!

— Послушайте, — сказал Маршак сердито, — вот вы эти слова: «мое», «ваше» — знаете. А какое ребята слово чудесное изобрели — забыли? «Всехное» — вот оно, это слово. Печатайте, голубчик, эти стихи в своей книжке, — они ребят непременно порадуют. И я с ними и с вами порадуясь, что так хорошо вышло. Талант — ваш, помощь — моя, а радость — всехная!

«Да, — подумал поэт, — вышло и вправду очень даже хорошо. Почаще бы так бывало у людей! И не только со стихами!»

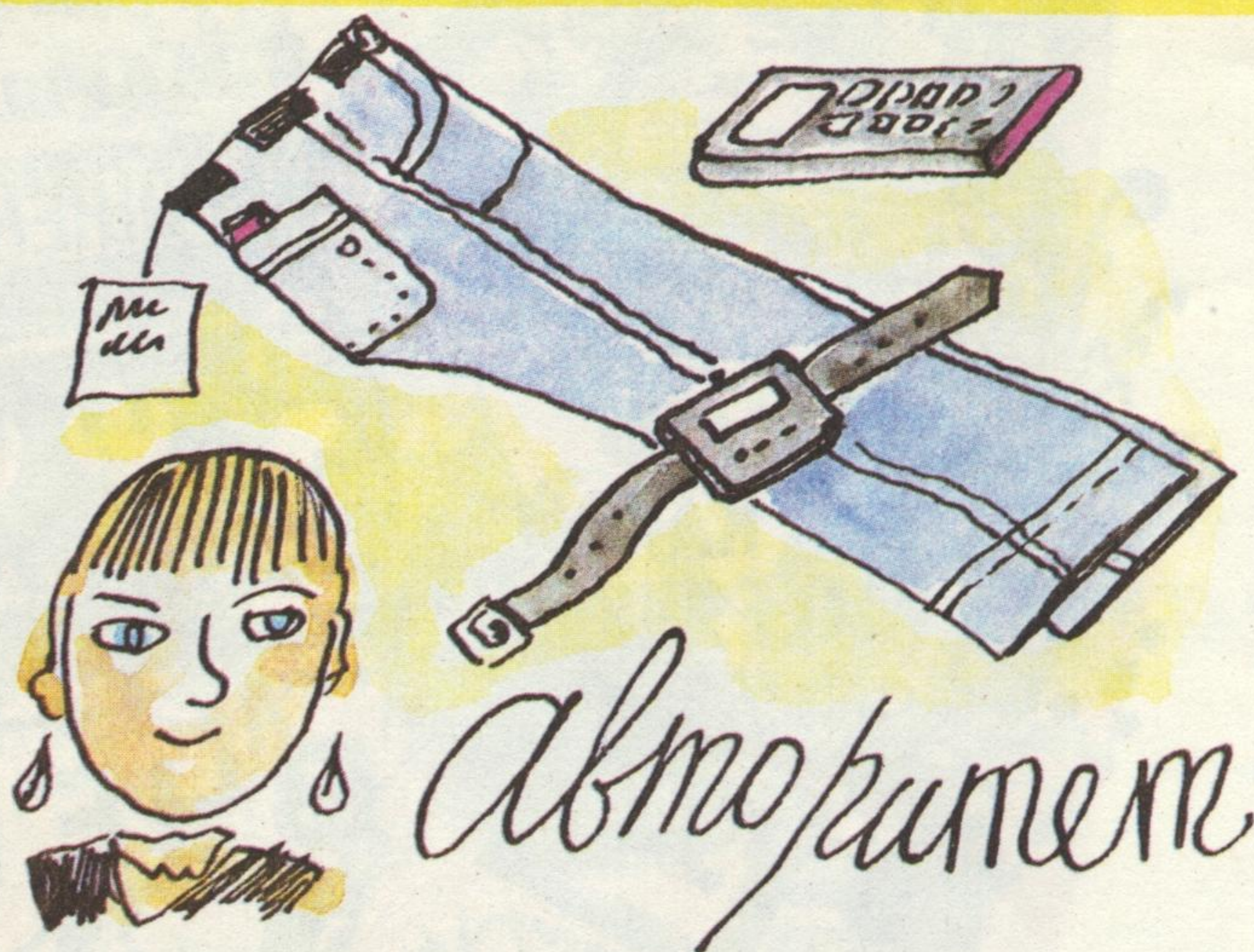

Весёлый

Звонок

Составил и оформил Л. Каминский

авторитет

Софья Павловна объявила, что нужно выбрать старосту.

— У кого какие предложения?

Минин тут же заорал:

— Пусть старостой будет Воробеев, у него джинсы «Монтана» и куртка чисто японская!

— Джинсы и куртка — не в счет! — перебила Синицына. — Воробеев их в школе не носит, а дома мало ли кто в чем ходит! Я предлагаю Грому, у нее сережки шикарные!

— При чем тут одежда и сережки? — возразила Софья Павловна. — Я, конечно, не хочу вмешиваться, но советую выбрать такого человека, который пользуется уважением в классе.

— Действительно, одежда ни при чем! — вскричала Самоварова. — Предлагаю Фомина: у нее электронные часы! Покажи им часы, Фомина!

— Подумаешь, часы! У Крутикова — японская счетная машинка, вот такая маленькая! Пусть будет Крутиков!

— Да что вы все про какие-то вещи?!

— Правильно, Софья Павловна, разве счетная машинка — вещь? Она во всех магазинах продается. Вот у Ритки — электронная игра! Компьютер. Вот это вещь! Я за Риту Иванову!

— Ребята, да будьте же серьезнее, — опять вмешалась Софья Павловна. — Староста должен быть для всех примером!

После долгих обсуждений выбрали старостой Пряникова.

— Поздравляю тебя, Пряников, — сказала Софья Павловна. — Надеюсь, ты оправдаешь доверие коллектива?

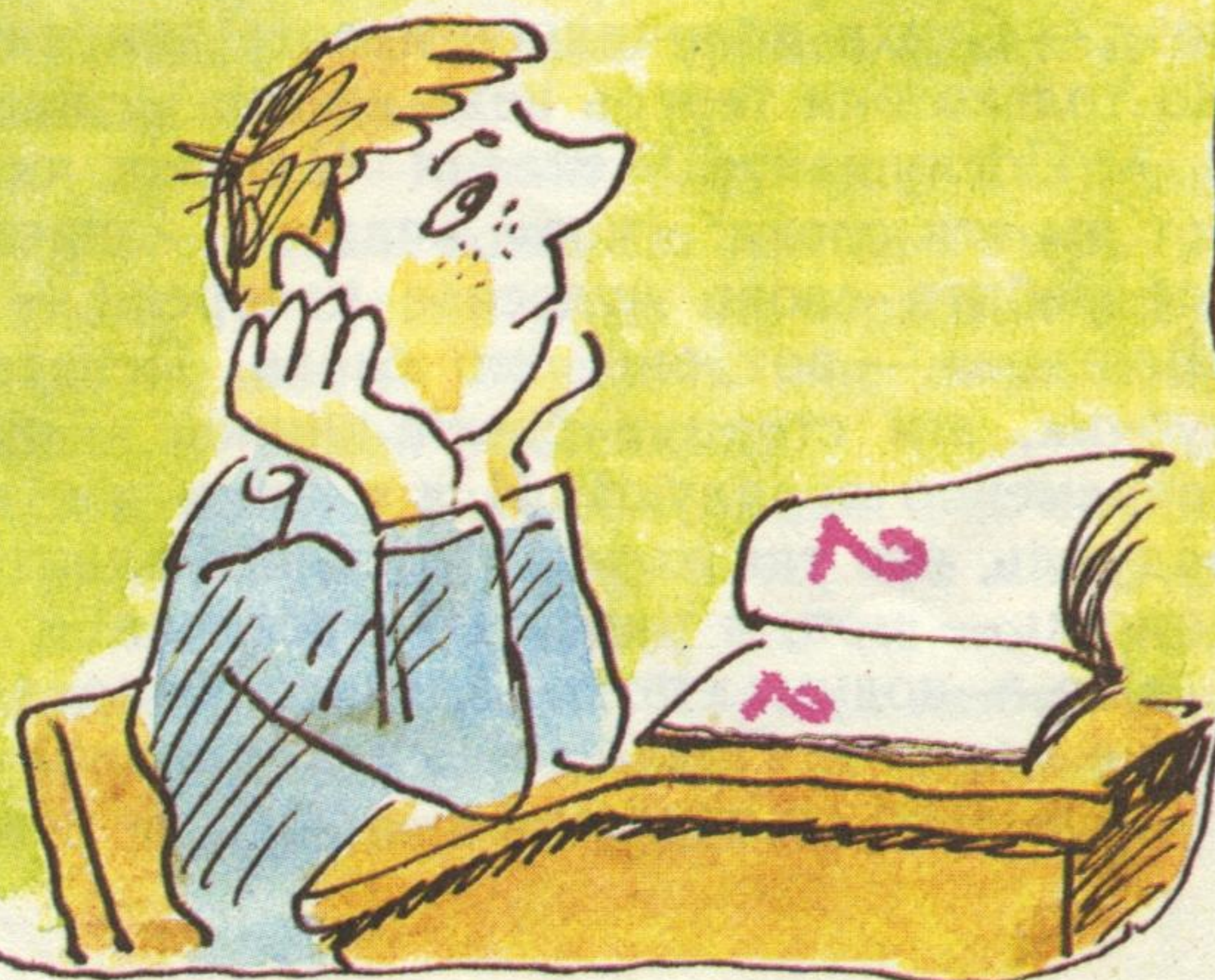
— Я постараюсь... — ответил Пряников. — Правда, у меня есть тройки по математике, но я постараюсь их исправить. Чтобы кончить четверть без троек. Иначе мне родители мотороллер не купят!

Инна ГАМАЗКОВА

ЧЕМ ИЗВЕСТЕН двоечник КУКУШКИН

Есть на свете классики
Лермонтов и Пушкин.
Есть в четвертом классе «А»
Двоечник Кукушкин.
Всем известен Лермонтов,
Всем известен Пушкин.
А кому известен
Двоечник Кукушкин?
А известен двоечник
В школе номер семь,
И известен двоечник,
Как ни странно, тем,
Что не знает двоечник
Николай Кукушкин,
Чем известен Лермонтов,
Чем известен Пушкин!

Михаил БАРТЕНЕВ

Конкурс "И все засмеялись!"

История изобре-
ний говорит, что не-
которые вещи были
изобретены вовсе не
для тех целей, для
которых они исполь-
зуются сейчас.

Ю. Беломлинская

На уроке литературы мы читали вслух повесть «Капитанская дочка».

— Следующий читает Рыбин, — сказала учительница.

Сережа, конечно, не следил, поэтому стал лихорадочно листать учебник.

— Если ты не будешь слушать, — строго сказала учительница, — то придется тебе остаться после уроков!

— «Слава богу...» — вдруг прочел Рыбин, и все засмеялись!

Оксана Еременко,
7 класс,
Бугульма

Юра Данилов отличался тем, что целыми вечерами смотрел телевизор. Поэтому он не успевал делать уроки.

Однажды Мария Петровна вызвала его к доске и спросила:

— На какие вопросы отвечает имя существительное?

Юра немного подумал, потом быстро выпалил:

— Что, где, когда?

И все засмеялись!

Таня Федорченко,
5 класс,
Симферополь

Шел урок природоведения. Анастасия Александровна вызвала Мишу и попросила его рассказать о воде и ее свойствах.

— Если насыпать в стакан с водой ложечку соли, — начал Миша, — и размешать ее, то кристаллики сахара начнут растворяться...

И все засмеялись!

Лиля Харисова,
4 класс,

Троицк Московской области

На последнем уроке была география. Анна Сергеевна объясняла новую тему, но все время отвлекалась, потому что ребята шумели. Наконец она не выдержала:

— Почему вы все время болтаете, никак не пойму!

— Да мы просто устали! — крикнул кто-то с задней парты.

— А я что, не устала? Я только говорю уже шестой урок!

— А мы, что ли, нет? — возразила Марина Петрова.

И все засмеялись!

Максим Герцовский,
Москва

Зонт при своем изобретении (в Китае около тысячи лет назад) никакого отношения к защите от дождя не имел — им защищались от солнца. Но в 1750 году некий англичанин, привезя из Китая зонт, вышел на улицу Лондона в проливной дождь и раскрыл его. Эффект был поразительный. Зонт от дождя завоевал весь мир.

Отнюдь не для пишущей машинки была изобретена и копировальная бумага (1806 г.). Изобретатель запатентовал ее как средство для снятия копий с писем.

Сейчас миллионы машинок печатают с помощью «копирки» и никому в голову не придет... писать от руки с ее помощью письмо домой.

Кто бы мог подумать, что предшественник современных прозрачных пленок — целлофан — был изобретен как дорогое упаковочное средство для дорогих подарков (духи, ювелирные изделия). Целлофановый лист разглаживали и старались использовать несколько раз. А теперь — увы! — пластиковые пакеты стали главным мусором планеты.

Рисунки Ю. Беломлинской

ПРО КОТА В КОЛПАКЕ

Целый день напролет дождь идет.
Вот.
Скучно мне, но пришел в колпаке
кот.
Одеяло у нас — пароход.
Вот.
Капитан — это я, а матрос —
кот.
А теперь кресло наш самолет.
Вот.
В нем пилот — это я, пассажир —
кот.
Открываем с котом магазин.
Вот.
Покупатель в нем я, продавец —
кот.

Лена Ухова,
Вятские Поляны.

ЖЕРЕБЕНОК

На травке жеребенок, как ребенок.
Лежит, немножко жмурится спросонок.
А рядом щиплет клевер кобылица,
На жеребеночка немножечко косится.
А рядом серая волчица,
Поспешно спрятав в логове волчонка,
Из-за кустов глядит на жеребенка.

Вика Шурыгина,
Московская область

ГЛОБУС

На день рожденья в десять лет мне глобус подарили,
И я на нем искала Сахару и Кавказ,
И пальцем я водила по тропикам Бразилии,
И штат нашла в Америке с названием Техас.

И вдруг мне показалось: плыву я в океан
На старой каравелле, как плавал Магеллан.
Сейчас, взглянув на полюс, на льдине окажусь,
И айсберги увижу, медведям улыбнусь.

В Австралии далекой, неведомой земле
Я познакомлюсь с кенгуру, и прыгнет он ко мне.
По Индии проедушь верхом я на слоне.
И вдруг... я снова дома, и солнышко в окне.

И крутится мой глобус, подобие Земли,
А где-то в самом деле в дороге корабли.
Спасибо, милый глобус, за то, что я с тобой
Узнала, как огромен, красив наш шар земной!

Маша Маневич,
Ленинград

Рисунок А. Ивашенцовой

ЗАЯВКИ УЖЕ ПРИНИМАЮТСЯ!

Главнокомандующий Армией Разведчиков Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК) непобедимый шахмат-адмирал Ферзьбери объявляет: **новый Чемпионат АРЧЕБЕКА** начнется в январе. Желающие вступить в сражения за спортивные разряды, за дипломы и призы, за почетное звание чемпиона АРЧЕБЕКА должны послать заявку («Прошу включить меня...»). Приняты будут все!

Чемпионат-87 — это три турнира разведчиков: ШХМ (шахматы), РШ (русские шашки), МШ (международные шашки) и три турнира разведчиц; участвовать можно в одном, в двух или трех сразу, но заявки посылать отдельно. В каждом из турниров будут определены чемпионы, чемпионки и призеры, достойным присвоят спортивные разряды.

А пока не умеющих играть примут в Отряд резерва, где их подготовят к переходу в разведчики.

Вступайте в АРЧЕБЕК! Включайтесь в Чемпионат-87!

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

В конкурсе «Майский приз» («Костер» № 5) награды получают: **за задачу № 1** — Илья Компанец (Норильск), **за № 2** — Дима Ефремов (Казань), **за № 3** — Сережа Денисов (п. Ихала), **за № 4** — Оля Жукова (Кострома), **за № 5** — Ира Ланкина (Тула), **за решение всех пяти задач** — Саша Афанасов (Сыктывкар), Таня Шлыкова (Северодвинск), Саша Варюхин (Северодвинск).

Верные ответы (во всех позициях дается мат в 2 хода, для чего нужно пойти: **в № 1** — 1. Фd3!, **в № 2** — 1. Kb7!, **в № 3** — 1. Cd3!, **в № 4** — 1. Фе2!, **в № 5** — 1. Крf8!) прислали также Павел Коцур (Целиноград), Андрей Елкин (Киреевск), Юлия Ютанова (Москва), Лена Горюнова (Кольчугино), Володя и Вика Ивановы (Куйбышев), Сережа Мальцев (Щелково) и многие другие арчебековцы.

Всем участникам этого конкурса шахмат-адмирал Ферзьбери выносит благодарность!

ИЗ КЛАДОВОЙ ТЕОРИИ

Из двух твоих слонов на доске остался один... На каких полях тебе лучше

держат свои пешки — на тех, по каким ходит твой слон, или на полях другого цвета? **Теория отвечает: на полях другого цвета.** Вот пример.

Белые (Кашляев): Кpg4, Се3, пп. а3, b4, d4, f4, h4; черные (Загорянский): Кpg7, Cd6, пп. а4, b5, d5, g6, h7.

Силы равны. Но у белых пешки мешают ходить своему слону, а у черных они не стесняют движения их слона: так как стоят на полях другого цвета. Игра шла так:

1. f5 h5+! 2. Кpg5 Се7+ 3. Крf4 Крf6! 4. fg Cd6+ 5. Крf3 Кр:g6.

Теперь черные могут угрожать — а) нападение на пешку h4, б) жертвой слона на b4, в) вторжением короля на e4. Из-за неудачного размещения своих пешек белые не в силах отразить все угрозы. Было — 6. Cf4 (не поможет и 6. Cg5) Се7! 7. Cg3 Cf6 8. Cf2 Крf5. Белые сдались.

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Заходите! Шахматистов здесь ждут две интересные задачи Николая Зиновьева (Усть-Каменогорск):

А. Белые: Крh1, Фс6, Cd5; черные: Крb8, Са6, Kg5. Мат в 3 хода.

Б. Белые: Крd2, Лg4, Се2, пп. h6, h7; черные: Крf2, п. b2. Мат в 4 хода.

Шашистам предлагаются два этюда Д. Калинского:

В. Белые: Д. а7, h2; черные: пр. а3, а5, f4, g3. Выигрыш.

Г. Белые: Д. c1, пр. b6; черные: пр. b8, c3, d6. Выигрыш.

Кто решит?

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

— Товариш шахмат-адмирал, правда ли, что есть какие-то задачи на «кооперативный мат»? — спросил Коля Зуев.

— Да, есть. Это особые задачи, где черные не сопротивляются белым, а помогают им дать мат черному королю. Обе стороны действуют сообща, кооперативно — отсюда и название «кооперативный мат». Вот задача (см. диаграмму) Юрия Селявкина из Воронежа. Кооперативный мат в 6 ходов: 1. e3 (в таких задачах всегда начинают черные) Крb1 2. e2 Крc2 3. e1C! Крd3 4. Сb4 Крc4 5. Са3 b4+ 6. Кра4 b3X. А теперь сами определите, можно или нет дать кооперативный мат в три хода в задаче Виктора Перетятко (Кемерово) — белые:

Кра1, Ка3, Ка4; черные: Крd1, Са5, п. а2.

Спорщики зашумели... «Можно!» — кричали одни, «Ни за что!» — возражали другие. Но убедительных доказательств никто не приводил. **Кто же из вас, доблестные разведчики, сумеет сказать решающее слово в этом споре?**

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

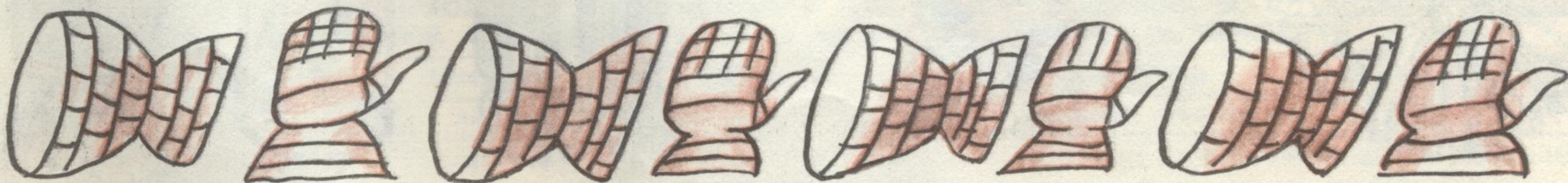
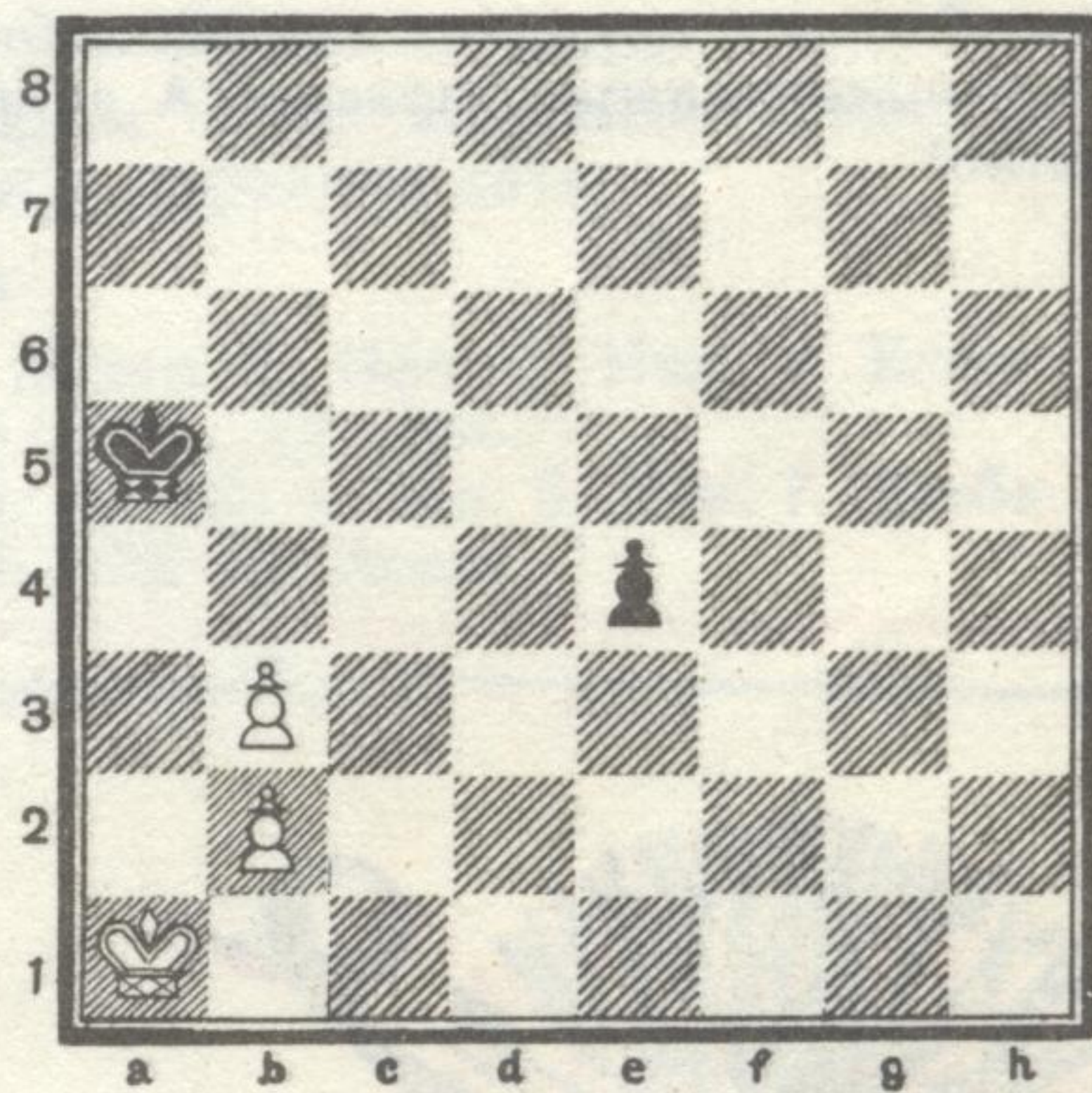
Задачи в «Костре» № 8 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Фс3! Крc8 2. Фс5!, или 1... Крd6 (e6) 2. c8Ф. **Б.** 1.f7 Кpg7 2. h8Ф+! Кр:h8 3. Крf6 Крh7 4. f8Л!, или 1... Кр:h7 2. Крf6 Крh6 3. f8Ф+ Крh5 4. Фb4. **В.** 1. Се1! Сg1 2. Сg3+ Крh1 3. Лd1! h2 4. Се1, или 1... Cf4 2. Cf2! Сb8 3. Сg1+ Крh1 4. Са7+. **Г.** Выигрыш: 1. Кpg2 а5 (или Кр:f5 2. Крf3 Кpg5 3. g4) 2. Крf3 а4 3. h6! Кр:h6 4. Кpg4 а3 5. Крh4. **Д.** 1. d7! Кb6+ 2. Крb4! К:d7 3. Сс8! Се6 4. Са6+ и 5. Сс4 — с разменом слонов и ничьей (двумя конями мат не дается). **Е.** 1. b8Ф+! Кр:b8 2. Лh8+ Кра7 3. Лh7+ Кра6 4. Лh6+ Крb5 5. Лh5+ Крb4 6. Ла5! — ничья.

РШ. А. 1... ed2? 2. b2! 3. c3 4. cd8X. **Б.** 1... b2? 2. b4! 3. b6!X. **В.** Лучшее 1... b4, так как, если 1... d4?, то 2. g3! 3. f2! 4. f8X. **Г.** 1. c3! 2. d4! 3. e5! 4. f6X. **Д.** 1. bc3! а3 2. ed4! 3. b4X. **Е.** 1. e5! 2. g5! 3. h2X.

МШ. А. 1. 45! 39 2. 50! 39—43 3. 28X. **Б.** 1. 3! 2. 14! 3. 41!X. **В.** 1. 21! 2. 33X. **Г.** 1. 43! 50 2. 45!X. **Д.** 1. 41! 38 2. 37 43 3. 16X. **Е.** 1. 27—21! 50 (...27; 32!X) 2. 22X.

Резерву. 1. Кре6!

Маша спросила у мамы и бабушки, какие самоделки они больше всего любили делать в детстве?

Мама сказала, что ее любимой самоделкой была ШКАТУЛКА. Сделана она из открыток. Размеры на выкройке даны с учетом размера открытки, хотя донышко и крышку придется вырезать из картона или

плотной бумаги, не уместятся они на открытке. Все детали шкатулки общей петельным швом (см. «Костер» № 3), сшей той же ниткой по краю. Обрати внимание на последовательность сборки.

Эта шкатулка сложная, но можно сделать простую, плоскую, без выпуклых наружных стенок. У выпуклой шкатулки очень красивая форма. Один недостаток — из открыток ее не сделаешь вместительной. Оригинальная шкатулка для швейных принадлежностей получится, если все размеры выкройки увеличить, а в качестве материала взять тонкий картон, на который наклеен веселый ситец или другой подходящий материал (рецепт клейстера для наклейки ткани на бумагу см. в «Костре» № 3).

Бабушка сказала, что в детстве любила мастерить ЕЛОЧНЫЕ ИГРУШКИ. Для игрушек нужен жесткий золотой елочный дождь.

Сложи елочный дождик в несколько раз и туго перетяни по середине ниткой, а концы разрежь. Придерживая пальцем серединку, расправь нити по кругу, в виде солнышка. Теперь можно сделать ЗВЕЗДУ и МЕДАЛЬОН. Лучи звезды проще всего вырезать по трафарету из плотной бумаги, пришив его к серединке «солнышка». К центру звезды приклеены бумажные кружки, вырезанные из открытки или рисованные. В центре медальона — композиция из природного материала.

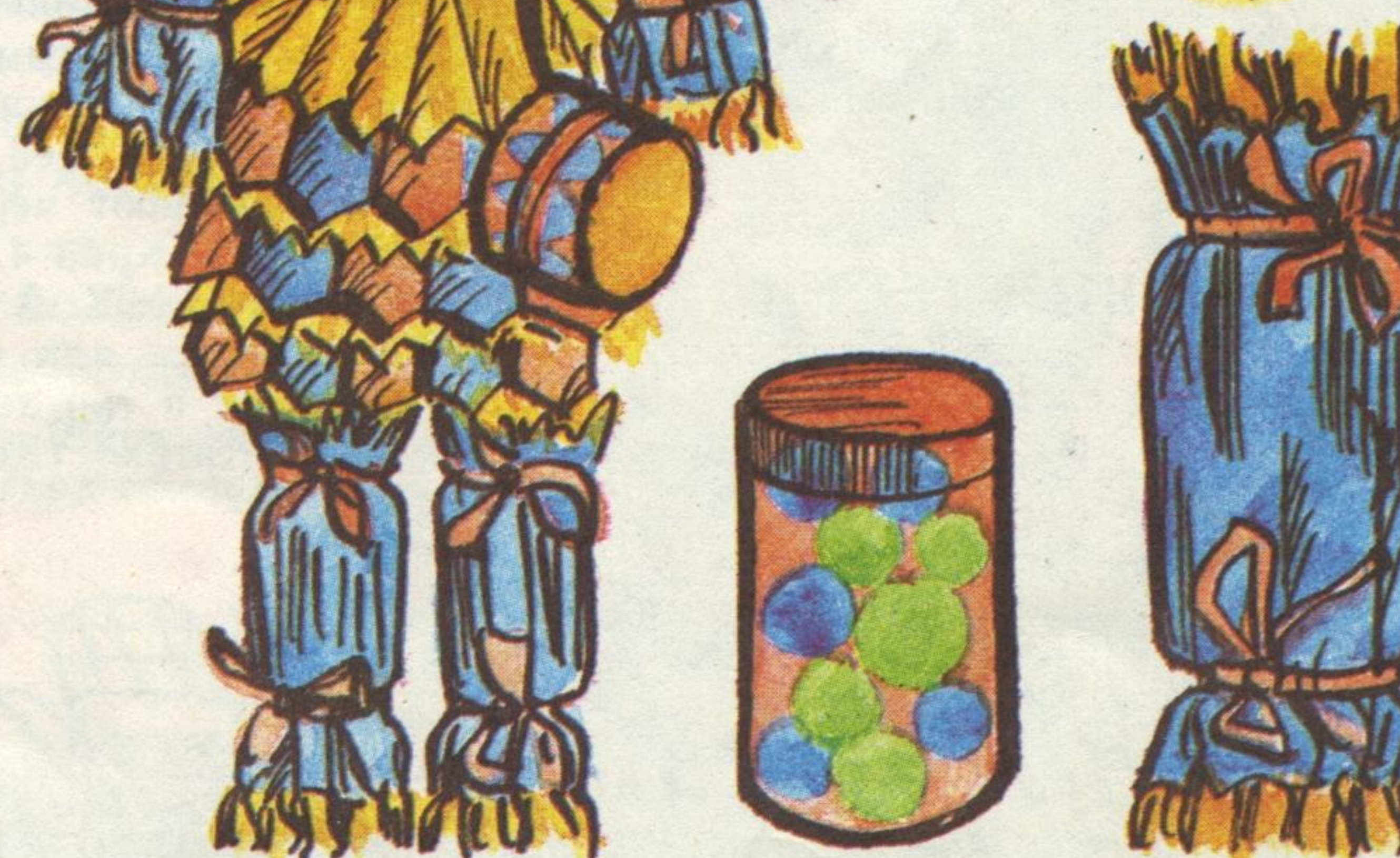
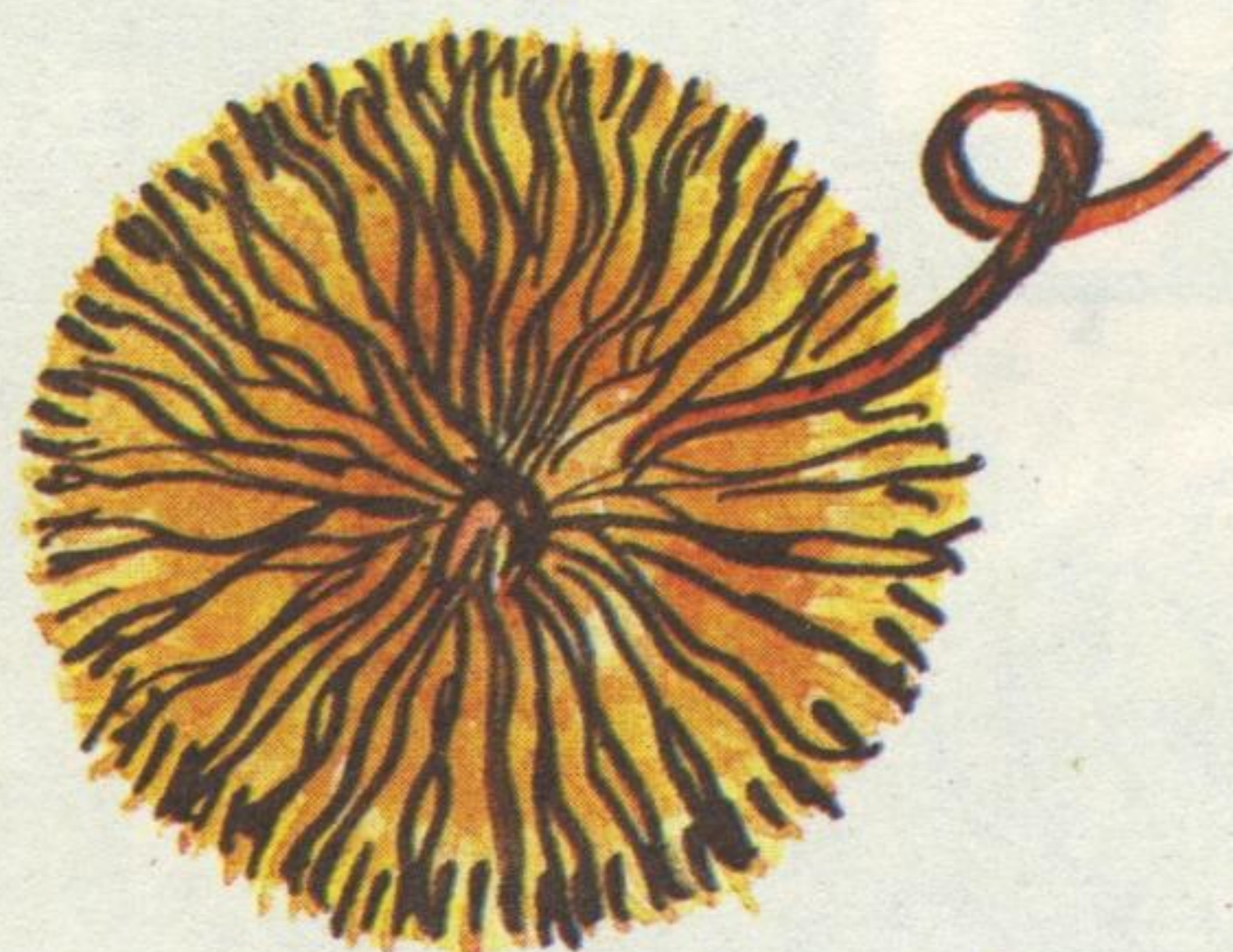
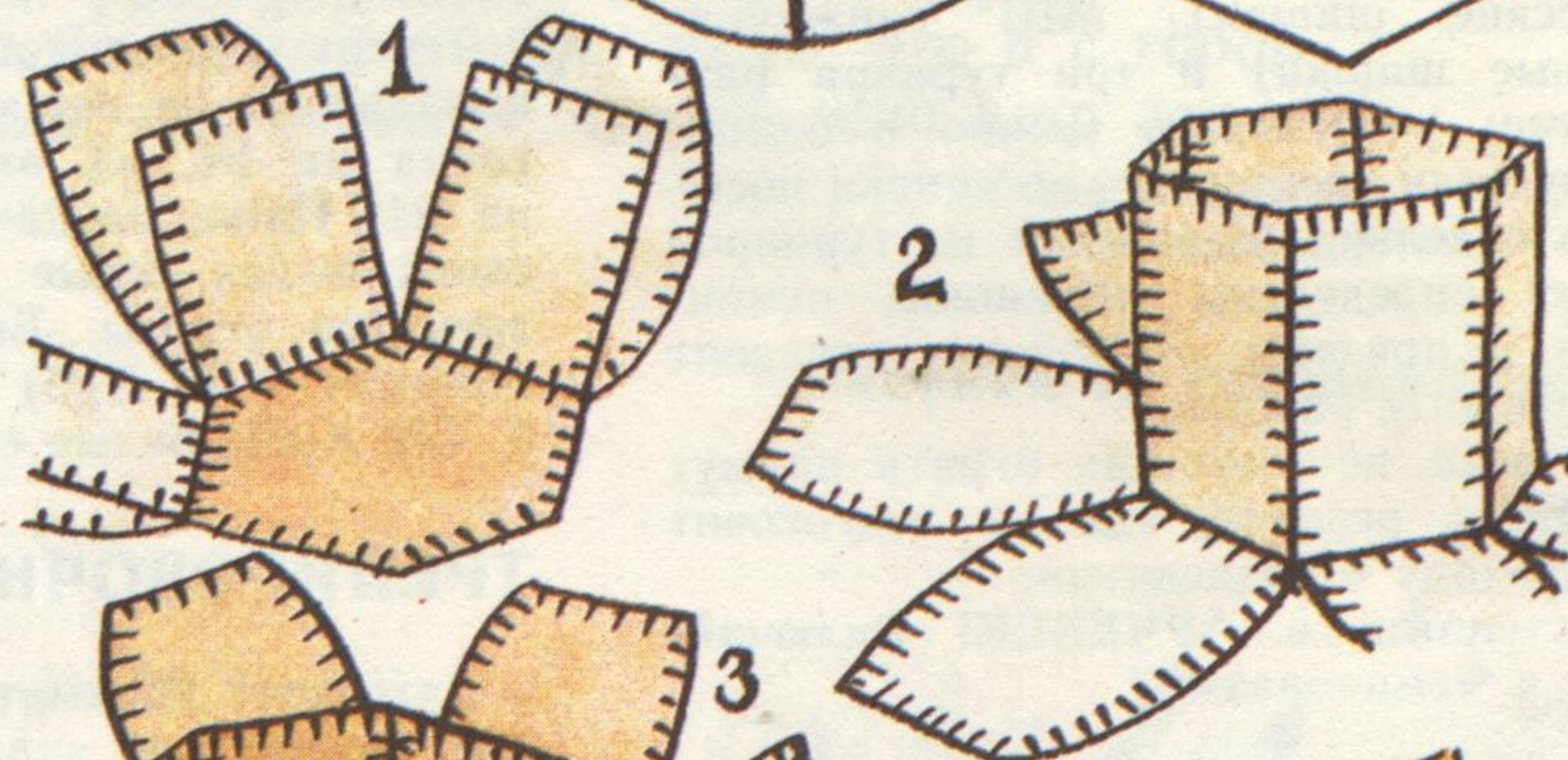
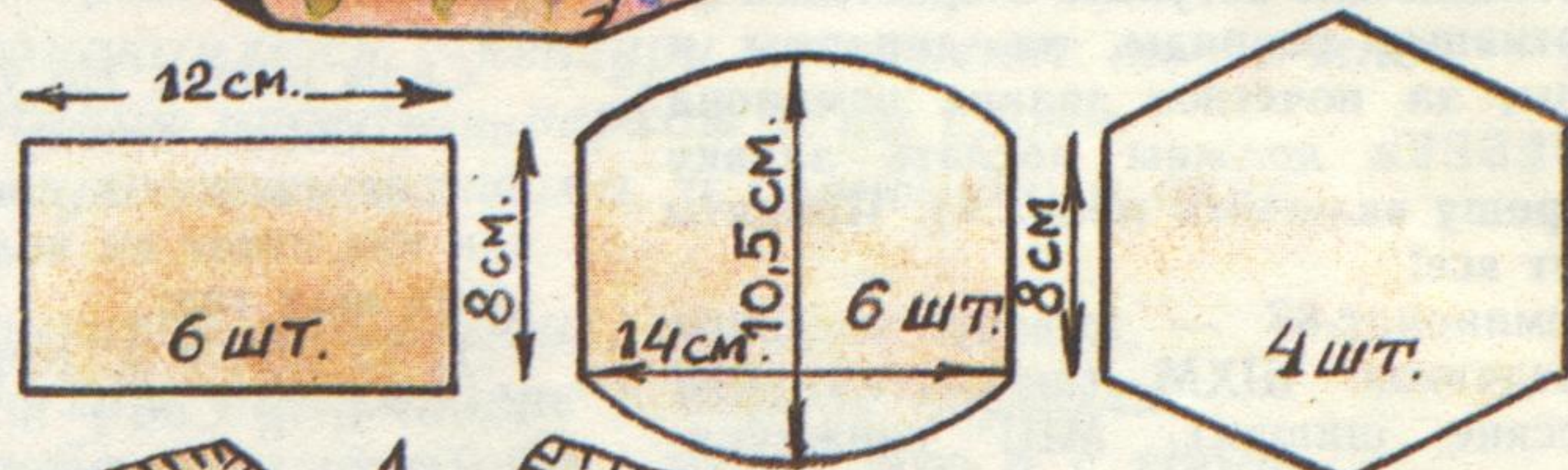
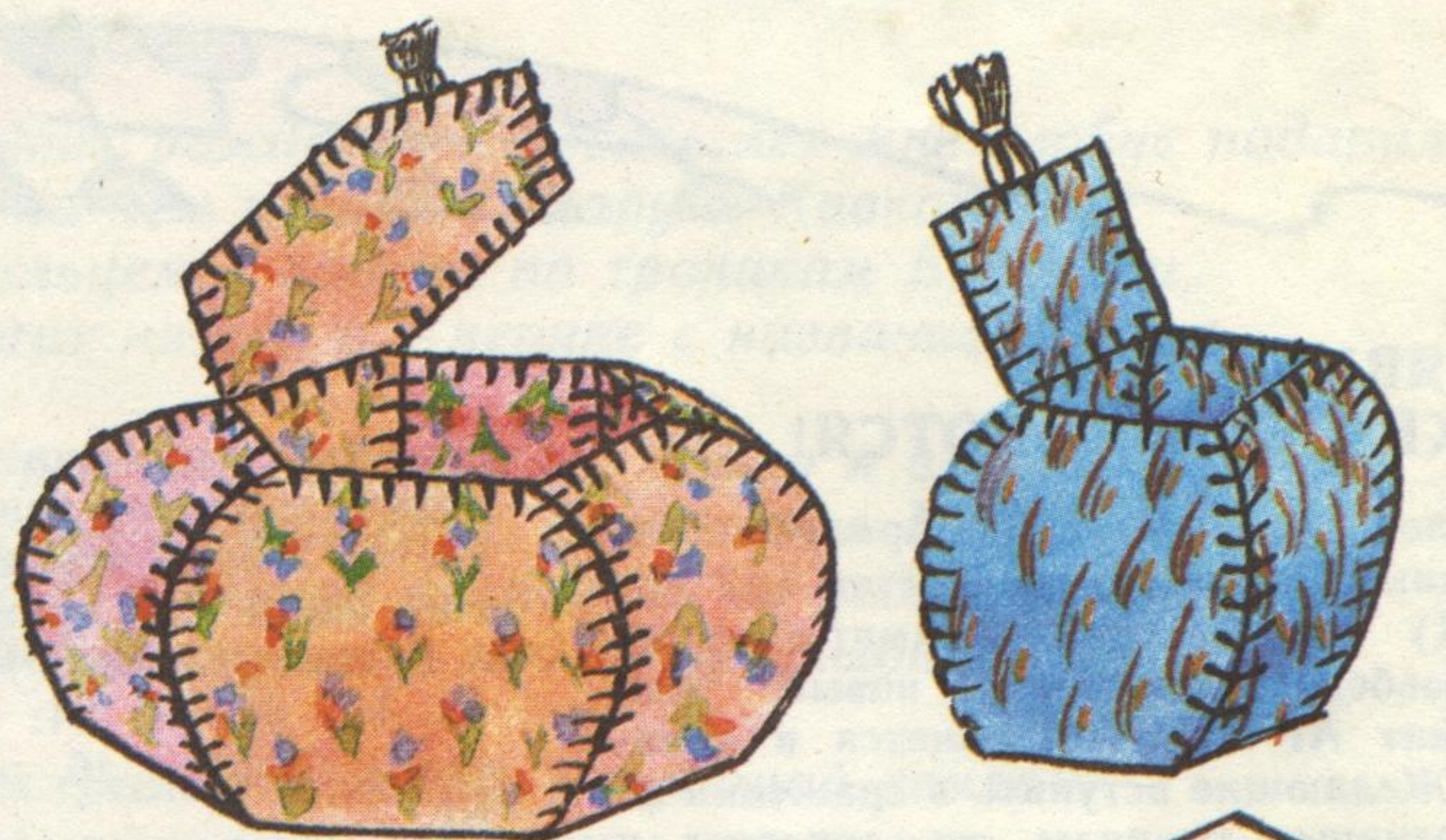
На ШИШКУ надевается то же солнышко, но сложенное шалашиком, и шапочка из бумаги. Для шапочки сложи бумажный круг четыре раза и вырежь, как показано на рисунке. Расправив его, примерь на шишку и тоже сложи колпачком, подогнув внутрь один или два сектора круга. Петельку (из проволоки, нитки от разбитой стеклянной игрушки) лучше закрепить на самой шишке до начала работы, пропустив ее через дождь и бумажную шапочку. Щеточку дождя подравняй ножницами, а шишку позолоти или покрась гуашью.

Для АРЛЕКИНА нужна головка от старой куклы. Туловище арлекина сшито в виде мешочка, набито ватой, обшито фестонами из ярких лоскутков и перетянuto в талии шнурком. Головка пришита к туловищу. Вместо рук и ног — хлопушки. Колпачок и барабан склеены из бумаги. Для воротника и бахромы хлопушек можно использовать ткань, папиросную и другую бумагу, кружева или золотой дождь.

Все эти самоделки могут послужить хорошим новогодним подарком. А самый простой подарок — ХЛОПУШКА. Можно сделать хлопушку большой и использовать, как коробку для подарка.

Позаботься о подарках для своих близких заранее. Приятно получать подарки, правда? А ведь дарить их не менее приятно!

Рисунки Т. Петуховой

Итак, в прошлом номере завершился конкурс любителей головоломок Клуба «За семью печатями». Все участники теперь с нетерпением ждут декабрьский номер, где жюри объявит победителей и самых активных участников 1987 года.

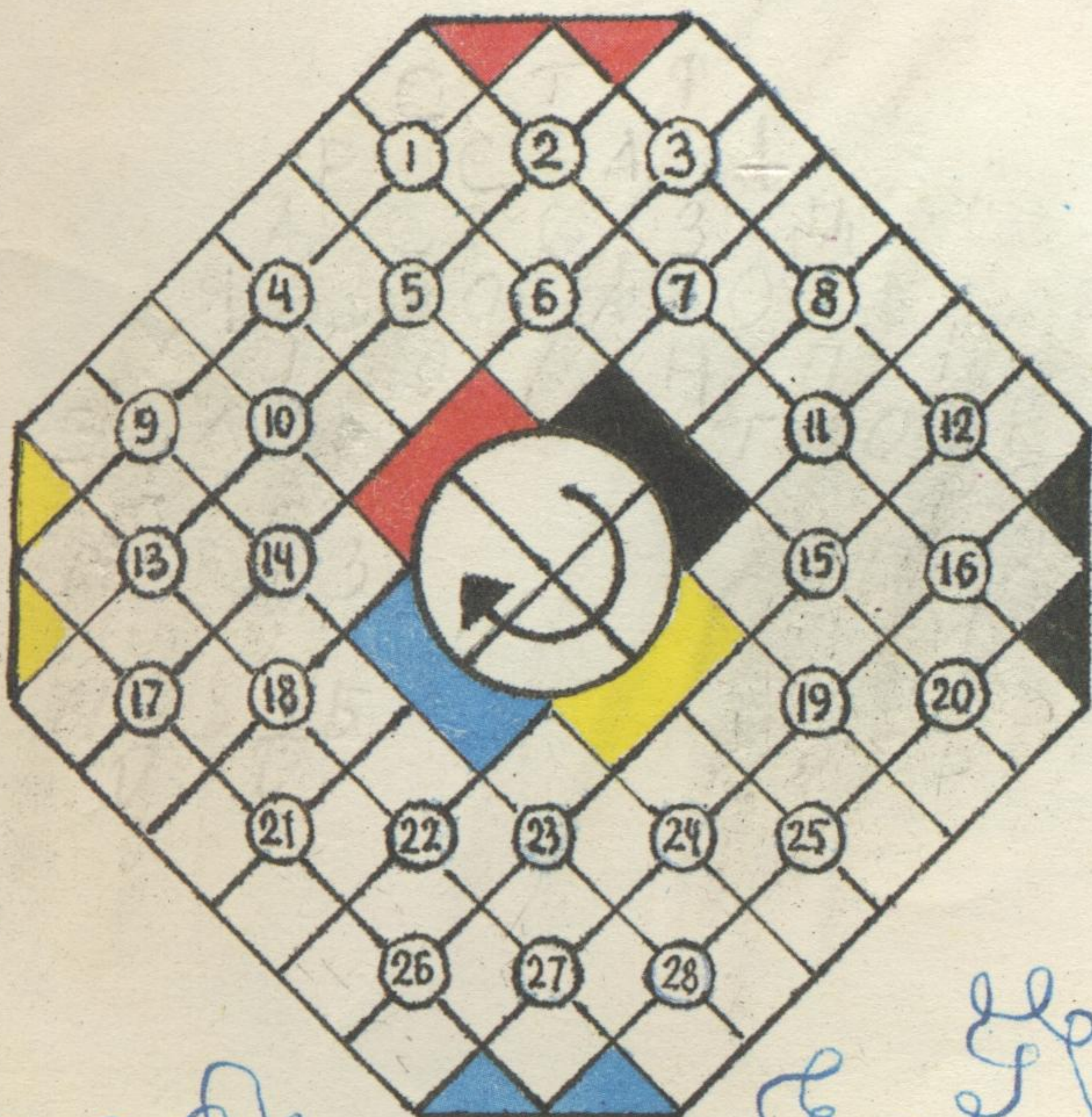
А пока — разминка перед новыми стартами в Конкурсе-88.

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Перед вами пять различных предметов. Но между ними тем не менее есть связь. И только один предмет выпадает из общего ряда.

Какой?

Путешествие профессора Синицына

Корабль, на котором плыл профессор Синицын, дважды пересек линию «перемены дат».

Конкурс кроссвордов

По вертикали: 1. Ханко. 2. Инн. 3. Инд. 4. Волга. 6. Нигер. 9. Белая. 11. Ока. 12. Эри.
По горизонтали: 2. Инари. 4. Ван. 5. Дон. 7. Эльба. 8. Конго. 10. Асо. 12. Эйр. 13. Асахи.

Конкурс кроссвордов

Жюри Клуба «За семью печатями» напоминает всем любителям головоломок, что они могут попробовать свои силы не только в решении, но и в составлении кроссвордов. Главное, чтобы они были ваши, а не списаны из других журналов. Лучшие будут опубликованы, как, например, этот оригинальный кроссворд Светы Сожуленко из села Ишунь Крымской области.

Все слова в этом кроссворде надо писать так, как указывает стрелка в центре.

1. Наша Родина. 2. Телеграфное агентство. 3. Стадия, период. 4. Часть света. 5. Объединение. 6. Пищевой продукт. 7. Пространство, район. 8. Место ремонта тепловозов и вагонов. 9. Правительственное распоряжение. 10. Государство в Азии. 11. Место стоянки кораблей. 12. Письменная принадлежность. 13. Мельчайшая частица элемента. 14. Газ. 15. Столица союзной республики. 16. Техническая культура. 17. Газ. 18. Группа повозок. 19. Эмблема. 20. Большое водное пространство. 21. Приток Западной Двины. 22. Флаг, знамя. 23. Международный договор. 24. Атмосферные осадки. 25. Художник панорамы «Оборона Севастополя». 26. Этаж в театре. 27. Отдельный снимок. 28. Мощь.

Оформление А. Януса

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

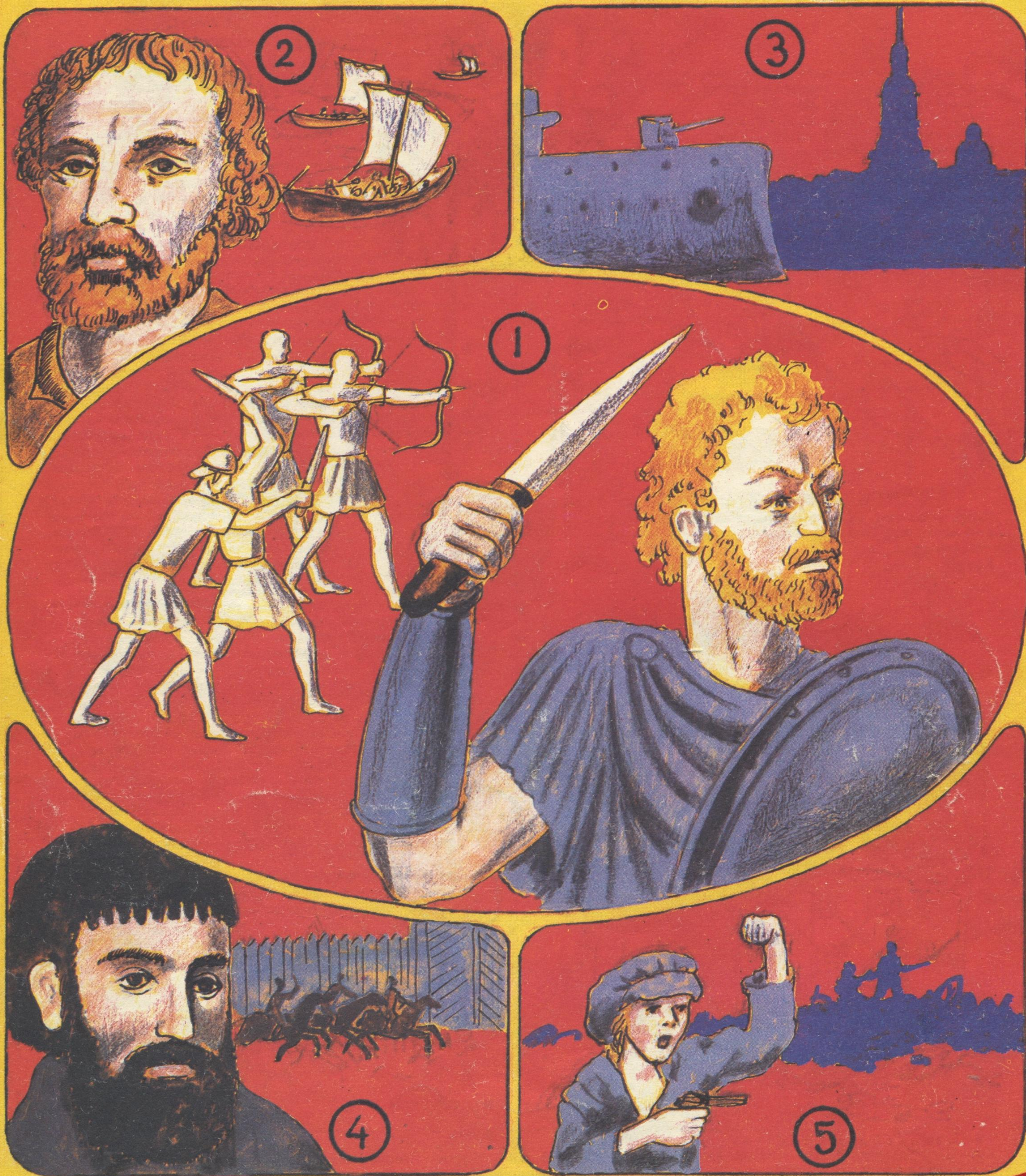
М-43014. Сдано в набор 06.07.87. Подписано к печати 11.09.87. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,2. Печать офсетная. Тираж 1 155 000 экз. Заказ 3033. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 дважды ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского производственного объединения «Типография им. Ивана Федорова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, г. Ленинград, ул. Мира, 3.

36/3 - 130

ВИКТОРИНА С РИСУНКАМИ

30 к.
Индекс 70445

1. Как звали погибшего в бою с римскими легионерами вождя восставших рабов?

2. Под чьим предводительством восставшие казаки взяли в 1670 году город Астрахань?

3. Кроме «Авроры» сигналы к штурму Зимнего дворца подавала и Петропавловская крепость. Что это были за сигналы?

4. В повести А. С. Пушкина описан штурм уральской крепостцы. Кто руководил взятием крепости?